ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1898 г.

стр.

I Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). VI—XIII. (Окончаніе). **И. Н. Потапенко** 851

II. Воспоминанія **Константина Карловича Жерве.** XV. (Окончаніе). 901

III. Въ интеллигентной колоніи. **М. Е. Ермолиной** 909

IV. Воспоминанія **Екатерины Ивановны Раевской.** VI—X. (Окончаніе). 936

V. Деревенскіе дѣльцы. Новые баре. **В. А. Тимашева-Беринга** 976

VI. Объ изученіи Пушкинскаго періода русской литературы. **А. И. Кирпичникова** 1014

VII. Театральныя воспоминанія. Глава седьмая. I—VII. (Окончаніе) **В. А. Тиханова** 1026

VIII. Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). VIII—XII. (Окончаніе). **А. В. Круглова** 1045

Иллюстраціи: 1) Общій видъ Спасо-Каменнаго монастыря.—2) Храмъ и настоятельскій корпусъ Спасо-Каменнаго монастыря.—3) Настоятель Спасо-Каменнаго монастыря игуменъ о. Павелъ.—4) Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосифа въ Спасо-Каменномъ монастырѣ.

X. Императоръ Александръ I и его эпоха. Періодъ третій. 1816—1825. **В. А. Тимирязева** 1076

Иллюстраціи: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.—2) Императоръ Александръ I.—3) Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.—4) Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I.—5) Казармы л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—6) А. И. Михайловскій-Данилевскій.—7) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.—8) Архимандритъ Фотій.—9) Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 7 ноября 1824 года.—10) Дворецъ въ Таганрогѣ.—11) Кончина императора Александра I.

XI. Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ 1113

Иллюстрація: 1) Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильно.

XII. Лордъ Витвортъ и Е. И. Нелидова. **Е. С. Шумигорскаго** 1124

XIII. По китайскому побережью. IX. Городъ Кантонъ. X. Городъ Нью-Чуанъ. (Окончаніе). **В. Д. Черевкова** 1132

XIV. Критика и библіографія. 1169

1) Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898. **Г. Эрастова.**—2) Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). А. Н. Мосолова. Спб. 1898. **К. Х.** — 3) Сочиненія К. К. Случевскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898. **А. Круглова.** — 4) Кенетъ Грэмъ. Золотой возрость. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898. **Г—скаго.**—5) В. Н. Хитрово. Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898. **С.**—6) Настольный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей прив.-доц. спб. унив. П. И. Вейнберга. Книгоиздательство Н. С. Аскарханова. Выпуски I и II. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—7) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Т. III и послѣдній. Спб. 1898. **Б. Г.**—8) А. Штылько. Астраханская лѣтопись. 1554—1897 гг. Астрахань. 1898. **А. Титова.**—9) Общественная жизнь Англіи. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елизаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. **А. К.**—10) Евг. Соловьевъ (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 г.). Спб. 1898. **Р. Рудакова.**—11) Н. Тиктинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898. **Σ.**—12) В. М. Грибовскій (Гридень). Студенческіе разсказы. Спб. 1898. **Щ.** — Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эри-

См. слѣд. стр.

905
ISV
v.19
no.12

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1898 года).

стр.

Извѣтъ. (Эпизодъ изъ послѣднихъ лѣтъ старорусскихъ порядковъ). **Е. Н. Опочинина.** 5

Воспоминанія **Константина Карловича Жерве.** XI — XV. (Окончаніе). 40, 450, 901

Эмене Шерфе. Повѣсть. (Изъ современной крымской жизни). **Л. Е. Оболенскаго.** 80

Мои педагогическія разочарованія. (1866—1868 гг.). (Отрывокъ изъ воспоминаній). **П. Н. Полевого.** 120, 617

Памирскій походъ. (Воспоминанія очевидца). XII — XV. (Окончаніе). **Б. Л. Тагѣева.** 142

Шпіонъ. (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 г.). **М. Д. Плахова.** . . 164

Изъ замѣтокъ присяжнаго засѣдателя. **Н. Н. О.** 185, 639

Разсказы М. С. Щепкина. **М. А. Щепкина.** 211

Поѣздка въ Нилову-Сорскую пустынь. **И. Ф. Тюменева.** 228

Иллюстраціи: 1) Крестъ на поворотѣ съ Бѣлозерскаго тракта въ Нилову пустынь. — 2) Св. ворота и Покровская церковь въ Ниловой пустыни.— 3) Внутренній видъ Ниловой пустыни. — 4) Ограда и ворота Предтечева скита въ Ниловой пустыни. — 5) Церковь св. Іоанна Предтечи и домъ надъ колодцемъ преподобнаго Нила.— 6) Входъ въ Успенскій скитъ съ внутренней стороны.—Часовни: Голгоѳа и Геѳсиманія въ Успенскомъ скитѣ.

Къ вопросу о происхожденіи такъ называемаго перваго самозванца. (По поводу открытія о. Павла Пирлинга и сочиненія г. А. Гиршберга). **Г. А. Воробьева.** 245

Русскіе администраторы XVII вѣка. **Г. Н. Шмелева.** 248

Исторія русской фабрики. **Б. Б. Глинскаго.** 253

По китайскому побережью. VII—X. (Окончаніе). **В. Д. Черевкова.** 293, 1132

Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ 310

Иллюстрація: Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ.

Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). **И. Н. Потапенко.** . 419, 851

Позднее счастье. (Изъ воспоминаній). **В. Е. Томилина.** 502

Воспоминанія **Екатерины Ивановны Раевской.** 523, 938

Памятный крещенскій сочельникъ. (Страничка изъ семейной жизни). **К. Икскуль.** 557

Карлъ Карловичъ Мёрдеръ, (воспитатель императора Александра Николаевича). **Г. П. Анненкова.** 578

Иллюстраціи: 1) Надгробная плита на могилѣ К. К. Мёрдера въ Римѣ.— 2) Памятникъ на могилѣ К. К. Мёрдера на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). **А. В. Круглова.** 664, 1047

Иллюстраціи: 1) Фрязиново.—2) Турундаево.—3) Рабанга на Сухонѣ.— 4) Село Кубенское.—5) Общій видъ Спасокаменнаго монастыря.—6) Храмъ и настоятельскій корпусъ Спасокаменнаго монастыря.—7) Настоятель Спасокаменнаго монастыря, игуменъ о. Павелъ. — 8) Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосафа въ Спасокаменномъ монастырѣ.

стр.

Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ. **Н. Писаревскаго.** 689

Иллюстрація: Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ.

Новорожденный мессіанизмъ страны доллара и Старый Свѣтъ. (Соціологическій очеркъ). **Евгенія Правдина.** 704

Яковъ Петровичъ Полонскій. (Некрологъ) 722

Иллюстрація: Яковъ Петровичъ Полонскій.

Общественныя язвы и борьба съ ними. **Б. Б. Глинскаго.** 734

Сочиненія Вильяма Кокса о Россіи. **Н. Викторова.** 778

Въ интеллигентной колоніи. **М. Е. Ермолиной.** 909

Деревенскіе дѣльцы. Новые баре. **В. А. Тимашева-Беринга.** 976

Объ изученіи Пушкинскаго періода русской литературы. **А. И. Кирпичникова.** 1014

Театральныя воспоминанія. Глава седьмая. (Окончаніе). **В. А. Тихонова.** 1026

Императоръ Александръ I и его эпоха. Періодъ третій. 1816—1825. Реакція. **В. А. Тимирязева.** 1076

Иллюстраціи: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.—2) Императоръ Александръ I.—3) Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.—4) Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I. — 5) Казармы л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — 6) А. И. Михайловскій-Данилевскій. — 7) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.—8) Архимандритъ Фотій.—9) Наводненіе въ С.-Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.—10) Дворецъ въ Таганрогѣ.—11) Кончина императора Александра I.

Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ 1110

Иллюстрація: Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.

Лордъ Витвортъ и Е. И. Нелидова. **Е. С. Шумигорскаго.** 1124

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ 352, 788, 1169

1) Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го по XIX-й вѣкъ А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1898. **С.**—2) Памятники древней письменности. CXXVII. А. Н. Пыпинъ. Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ. Спб. 1898. **Н. П.**—3) С. С. Шашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **А. Фаресова.**—4) Ш. Летурно. Эволюція рабства. Переводъ съ французскаго. Изданіе И. Д. Сытина. Историко-культурная библіотека. Спб. 1898. **К.** — 5) А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **Щ.**— 6) Угорска Русь и ея русски жители. Книжечка для народа съ образками и картою Угріи и Угорской, Галической и Буковинской Руси. Написалъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898. **Н. Рышкова.** — 7) В. К. Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть I. Москва. 1897. **К.** — 8) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная кн. Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1898. **В. Т.**—9) Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Труды Сѣверной комиссіи. 1897—1898 гг. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у Мурмана. II. Учрежденіе инспекціи рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на Сѣверѣ. Спб. 1898. **Щ.** — 10) Докторъ Леоборъ Нидерле. Человѣчество и доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898. **К.**— 11) Записки наукового товариства імени Шевченко. Выходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIX. Львів». 1898. **Н. Р—ва.**—12) Вл. Пландовскій. Народная перепись. Спб. 1898. **Гл.** — 13) Józef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Tyry i obrazki Wolynskie. Warszawa. 1899 (!). **К. Х.** — 14) А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1898. **К.** — 15) И. Тыжновъ. Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Часть I. Лѣтописи города Тобольска. Спб. **В. Р—ва.**—

16) «Народная трезвость». №№ 1—8. Спб. 1898. **Г. Л. И.**—17) А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біобиблиографическаго словаря). Выпускъ 2-й. Владиміръ. 1897. **П. Щ.**—18) Н. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844 гг.). Спб. 1898. **С.**—19) Изданіе Симбирской архивной комиссіи: 1) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. 2) Его же. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Историко-статистическій очеркъ. 3) В. Н. Поливановъ и В. Э. Красовскій. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Томъ II. 4) В. Холмогоровъ. Матеріалы для исторіи Симбирскаго края до второй половины XVIII вѣка. Симбирскъ. 1898. Изданія правителя дѣлъ той же комиссіи Д. И. Сапожникова: 1) Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова. 2) А. Я. Шубинъ. Историческая замѣтка. 3) Письма восточныхъ іерарховъ (первая половина XVIII вѣка). Симбирскъ. 1898. **М. С—каго.**—20) В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898. **Г. Т.**—21) Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1893. (Библіотека для самообразованія. XII). **П. Щ.**—22) Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Профессора А. Трачевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **К. Лосскаго.** — 23) Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Соч. К. Харламповича. Казань. 1898. **И. Любарскаго.**—24) Экономическое ученіе Карла Маркса. — Изложеніе и критическій разборъ Л. Слонимскаго. Спб. 1898. **Б. Гл.** — 25) О писательствѣ. М. О. Меньшикова. Спб. 1898. **А. Фаресова.**—26) Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ четвертый. Послѣднее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—1871 г. Дополненія: Коммуна. Исторія третьей республики до окончательнаго утвержденія ея въ 1879 г. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ ред. П. Б. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. **А. К.** — 27) А. Д. Ерицовъ. Патріархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V-й, кн. М. С. Воронцовъ и кн. Елис. Ксавер. Воронцова въ ихъ частной перепискѣ. Съ тремя портретами и приложеніями. Тифлисъ. 1897. **Щ.**—28) Четырехсотлѣтіе россійскаго государственнаго герба. Е. Н. Воронца. Харьковъ. 1898. **С. Ш.** — 29) Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый профессоромъ А. А. Козловымъ. М. 1898. **Н. Лосскаго.**—30) Наша родина. Иллюстрированный сборникъ для простонароднаго читанья. Составилъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898. **Н. Рышкова.** — 31) Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ II. Спб. 1898. **С. Ш.** — 32) Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила. Переводъ съ французскаго. Культурно-историческая библіотека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **К.**—33) Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898. **Г. Эрастова.** — 34) Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). А. Н. Мосолова. Спб. 1898. **К. Х.**—35) Сочиненія К. К. Случевскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898. **А. Круглова.**—36) Кенетъ Грээмъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898. **Г—скаго.** — 37) В. Н. Хитрово, Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898. **С.**—38) Настольный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета П. И. Вейнберга, Книгоиздательство Н. С. Аскарханова. Выпуски I и II. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—39) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Т. III и послѣдній. Спб. 1898. **Б. Г.**—40) А. Штылько. Астраханская лѣтопись. 1554—1897 гг. Астрахань. 1898. **А. Титова.** — 41) Общественная жизнь Англіи. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. **А. К.** — 42) Евг. Соловьевъ (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 гг.). Спб. 1898. **Р. Рудакова.**— 43) Н. Тихтинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898. Σ.— 44) В. М. Грибовскій (Гриденъ). Студенческіе разсказы. Спб. 1898. **Щ.** — 45) Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Изслѣдованіе Александра Брилліантова. Спб. 1898. **К. Х.**—46) Братская помощь пострада-

СТР.

вшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками Сурьянца, съ двумя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и пр. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. Г.— 47) Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. 1898. В. Б—ва. — 48) М. А. Орловъ. Исторія русской литературы. Т. II. Пушкинскій періодъ. Спб. 1898. А. Л—на.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . 386, 824, 1198

1) Старинный итальянскій лѣтописецъ. — 2) Четырехсотлѣтняя годовщина Савонаролы.—3) Новыя сокровища итальянскихъ архивовъ по исторіи Англіи.—4) Основатель Квебека.—5) Голландія въ XVII вѣкѣ.—6) Гейдельбергское пугало. 7) Олимпія де-Гужъ. — 8) Нельсонъ въ Неаполѣ въ 1799 г.—9) Германскій императоръ у Гроба Господня въ XIII столѣтіи.— 10) Іоанна Безумная.—11) Процессъ маршала Нея.—12) Парижская стачка въ 1740 г.—13) Новая біографія Александра Македонскаго.—14) Гамлетъ въ Исландіи.—15) Женщины въ эпоху возрожденія.—16) Дневникъ Самюеля Пеписа.—17) Расинъ и дѣло объ отравахъ.—18) Авантюристъ XVIII столѣтія.—19) Герцогъ Ришелье на Ахенскомъ конгрессѣ. — 20) Англичане о Россіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 393

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. В. М. Цехановскаго.

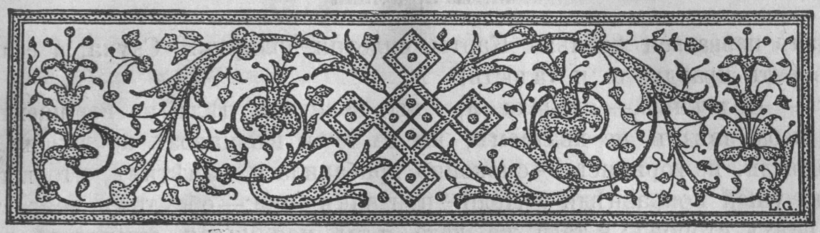
СМѢСЬ 398, 832, 1214

1) Открытіе памятника императору Александру II въ селѣ Бѣлый-Ключъ.—2) Архивъ Московскаго дворянства.—3) Художественная выставка въ Ломжѣ.—4) Присужденіе Уваровскихъ премій.—5) Императорское Русское археологическое общество.—6) Общество исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ. — 7) Археологическое общество. — 8) Антропологическое общество. — 9) Антропологическій отдѣлъ.—10) Раскопки въ Херсонесѣ. — 11) Археологическая находка. — 12) Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ.—13) Выставка въ память императора Александра II.— 14) Церковь-памятникъ императору Александру III. — 15) Открытіе памятника П. И. Чайковскому.—16) Присужденіе премій А. А. Котляревскаго.— 17) Юбилей Симбирска.—18) Юбилей А. К. Шеллера.—19) Къ юбилею Пушкина. — 20) С.-Петербургское археологическое общество. — 21) Московское археологическое общество.—22) Учено-литературное общество при Юрьевскомъ университетѣ,—23) Отдѣленіе русскаго языка и словесности при педагогическомъ обществѣ въ Москвѣ.—24) Географическое общество.—25) Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія.—26) Экспедиція въ верховья Аму-Дарьи. — 27) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. — 28) Русское отдѣленіе археологическаго общества.—29) Археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ.—30) Мозаика Ломоносова.—31) Московскій историческій музей.—32) Мѣсто убіенія митрополита Филиппа.—33) Некрологи: М. Г. Черняевъ; А. С. Павловъ; С. П. Щепкинъ; Н. Н. Куликовъ; Н. И. Боголюбовъ; Н. Ф. Красносельцевъ; А. А. Макуринъ; Н. А. Новосельскій; Е. И. Конради; А. Д. Михельсонъ; С. З. Бураковскій; А. А. Смирновъ; А. Ѳ. Лишинъ; П. Ф. Борель.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 411, 844, 1245

1) Къ біографіи Яна Кохановскаго (1530—1584 гг.). И. Любарскаго.—2) По поводу статьи «На царскомъ пути». Баронессы Е. Н. Гротгусъ, рожденной Лореръ.—3) Отвѣтъ на замѣтку генерала Фельдмана. Виктора Жерве.—4) По поводу разсказа «Шпіонъ». В. фонъ-Валя.—5) По поводу воспоминаній К. К. Жерве о графѣ М. Н. Муравьевѣ. — 6) Къ воспоминаніямъ Е. И. Раевской. С. Бибиковой.—7) Дополненія къ статьѣ «Бѣлинскій въ русской литературѣ». Н. Бахтина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: М. С. Щепкина, К. К. Мёрдера и К. К. Жерве.—2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Бенсона.** Часть вторая. VIII. Часть третья. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго. (The Vintage). — 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1898 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». — 4) Объявленія.



БИБЛІОТЕКА
16 ДЕК 1898
Вятскаго обществ. собранія

ВЪ ИНТЕЛЛИГЕНТНОЙ КОЛОНІИ.

ОБЫТІЕ! Браво! Михаилъ Иванычъ, котораго я считала безвозвратно погибшимъ для меня, наконецъ вынырнулъ и заявилъ о своемъ существованіи, да еще гдѣ? Вотъ бы не отгадали... Получивъ его письмо, я, какъ бомба, влетѣла къ моей подругѣ Лелѣ: угадай, говорю, на какомъ берегу бросилъ якорь нашъ молчальникъ, нашъ несравненный увалень Мишенька?

Она только глаза таращила отъ недоумѣнія и сейчасъ, по обыкновенію, вздернула плечиками, надула губки и обиженнымъ тономъ замѣтила: вѣчно ты говоришь загадками! Объяснись, если хочешь сообщить, что нибудь серьезное.

— На, читай!—сказала я, достаточно насладившись нетерпѣніемъ Лели, и протянула ей письмо.

— Шура, да это прелесть!—крикнула она:—уже теперь на меня пахнуло чѣмъ-то другимъ, свѣжимъ, оригинальнымъ. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось побывать въ колоніи! Онъ приглашаетъ тебя пріѣхать... Неужели ты не воспользуешься случаемъ, неужели тебя не интересуетъ это дѣло?

— Какъ тебѣ сказать? Разумѣется, интересуетъ. Любопытно взглянуть на омужичившихся интеллигентовъ: какимъ это образомъ они умудрились пятиться назадъ?

— Ты все иронизируешь!—обидчиво сказала Леля,—а, по-моему, такъ они живутъ настоящею жизнью. Ну, скажи, скажи ты сама,— воинственно приступила она ко мнѣ,— ну, можетъ ли наша

жизнь назваться жизнью? Карты, сплетни, флиртъ!.. Скука, а если говорить правду, то и гадость!

— Положимъ,— сказала я,— мы великихъ дѣлъ не вершаемъ, съ неба звѣздъ не хватаемъ, но за то и въ навозъ не лѣземъ... Подожди, не горячись,— спокойно прибавила я, замѣтивъ, что кончики ушей покраснѣли у Лели—признакъ бури:—обсудимъ вопросъ со всѣхъ сторонъ: я такъ же, какъ и ты, моя милая, симпатизирую всякому прогрессивному движенію — да! А въ чемъ по-твоему состоитъ прогрессъ — ну-ка, скажи?.. Подожди, я сейчасъ сама вспомню формулу...—Я закрыла глаза и скороговоркой, чтобы не сбиться, прочитала: «развитіе личности въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости»... такъ, кажется?...

Леля утвердительно кивнула головой, принимаясь за прерванное вышиванье...

— Хорошо! приложимъ теперь къ этой мѣркѣ идею колонистовъ... гдѣ письмо?... давай! Г-мъ! жить по правдѣ и совѣсти... Погоди, это не подходитъ... Тутъ какая-то путаница, Леля, я никакъ не могу найти главной сути!...

— Ты сегодня положительно поглупѣла, Шура! Ну, чего ты ищешь? Развѣ не ясно? Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи — разъ! Гдѣ, по-твоему, личность можетъ шире, нормальнѣе развиваться, какъ не въ деревнѣ, гдѣ физическій трудъ даетъ просторъ ея силамъ, какъ не въ общинѣ, гдѣ всѣ нравственно связаны между собой?..

— Постой! постой!—прервала я:—вотъ тутъ главнымъ образомъ подчеркнуто, что они поставили нравственное самоусовершенствованіе краеугольнымъ камнемъ дѣла... Понимаешь? А умъ — за штатомъ — что ли? Нѣтъ, воля твоя, а тутъ что-то не ладно! А почему? Взгляни-ка ты на Западную Европу... Тамъ человѣкъ бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы стать на ступеньку выше и комфортомъ овладѣть и досугъ имѣть, чтобы можно было жить почеловѣчески, а не только о хлѣбѣ единомъ заботиться... Это я понимаю! По-моему, если нашъ русскій интеллигентъ хочетъ дѣло дѣлать, то нечего ему спускаться до уровня прозябанія массы, а нужно возвышать ее до себя, пробуждать въ ней инстинкты добропорядочной жизни... Возьми хоть датскаго или норвежскаго крестьянина... Какая разница въ обстановкѣ, въ требованіяхъ, по сравненію съ нашимъ! А въ Швейцаріи?.. У насъ и культурные люди такъ не живутъ, какъ у нихъ крестьяне.

— Ну, такъ чтожъ изъ этого? Я не понимаю, куда ты клонишь.

— А туда и клоню, что не нравится мнѣ это наше русское самоотреченіе, или, какъ тамъ его называютъ — опростѣніе! Возьми хоть Михаила Иваныча: человѣкъ, безъ сомнѣнія, честный, трудолюбивый, могъ бы, кажется, быть культурнымъ работникомъ въ жизни.

Неужели у насъ для интеллигенціи только и дѣла, что землю пахать?.. А просвѣщеніе, а наука, а искусство?... кто за это долженъ браться по-твоему? Кто долженъ проводить здравые принципы въ тьму невѣжества? Кто, спрашиваю я, если лучшіе и честнѣйшіе пойдутъ землю пахать?

Я такъ разгорячилась, что даже выхватила у Лели противную работу, а она, взглянувъ на меня, расхохоталась...

— О, да я вижу, что ты и въ самомъ дѣлѣ возгорѣлась! Ужъ не сталъ ли твой прежній поклонникъ милѣе... вдали-то?

— Милѣе! Онъ всегда былъ мнѣ милъ... Я хоть и смѣялась надъ нимъ, а всегда отличала его отъ... щелкоперовъ. Въ немъ золотое, правдивое сердце — и за то я его люблю... да люблю!

— О, это было бы такъ хорошо! — обрадовалась Леля...

Къ концу вечера мы пришли къ убѣжденію, что иначе и быть не можетъ... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ киснуть въ нашемъ захолустьѣ, когда можно посмотрѣть жизнь? Какъ бы то ни было, а это все-таки оригинально, поѣхать въ колонію, а если взять во вниманіе, что тамъ Михаилъ Иванычъ, то моя поѣздка пріобрѣтаетъ особый интересъ... И такъ мы рѣшили...

II.

У насъ уйма работы. Во-первыхъ, долой цивилизацію, моды и все такое! Мы съ Лелей собственноручно шьемъ сарафаны и русскія рубашки... Нельзя же явиться въ колонію въ модныхъ платьяхъ... Лелю очень смущаютъ ея кудряшки.

— Послушай, Шура,— сказала она, смотрясь въ зеркало:—тамъ вѣдь люди серьезные, солидные, какъ они посмотрятъ на это?

Она попыталась пригладить свои волосы, но стала такой смѣшной, что мы обѣ расхохотались... Какъ ни какъ, а придется оставить, но тутъ меня осѣнила геніальная мысль.

— Эврика!—воскликнула я, закруживъ Лелю по комнатѣ:—развѣ крестьянки ходятъ простоволосыя... на работѣ-то!

Я сейчасъ достала бѣлый платокъ и повязала ей голову, и что за прелесть вышла — настоящая Галя!

— Очень хорошо! впечатлѣніе такое, будто у тебя короткіе волосы... право!

Мы накупили ситцевыхъ платковъ,— я красныхъ, что̀ мнѣ къ лицу,—и произвели большой эффектъ, появившись въ гостиной въ нашихъ сарафанахъ; хотя мнѣ ужасно хотѣлось выкинуть какую нибудь штучку, но памятуя, что крестьянки народъ солидный, я замедлила свои движенія, стараясь быть важной, чинной. Всѣ нашли, что къ намъ удивительно идутъ эти костюмы, и что не мѣшало бы намъ появиться на... костюмированный балъ!.. Глупцы! у нихъ все шутки да усмѣшки! Что касается меня, то, должно быть, сара-

фанъ обладаетъ чудодѣйственной силой. Я стала серьезнѣе, идейнѣе... О Лелѣ же и говорить нечего!..

— Слава Богу!—сказала мама, когда я ей сообщила о своемъ намѣреніи ѣхать въ земледѣльческую колонію:—мало ты фантазировала! Куда ты годишься землю пахать?—и при этомъ добродушно разсмѣялась.

— Ужъ лучше, мама, землю копать, чѣмъ мостовыя шлифовать!

Я ужасно люблю свою маму, и въ особенности за то, что она не стѣсняетъ меня и даже защищаетъ передъ братомъ: ничего, говоритъ, пусть уходится! Какъ замужъ выйдетъ, всѣ фантазіи пройдутъ. Милая мама!

— Вы ей слишкомъ много воли даете,—недовольно ворчитъ Гриша:—оттого она и дуритъ.

Терпѣть не могу его важнаго, напыщеннаго вида, его противныхъ разговоровъ о приличіяхъ. А чѣмъ я не прилична—скажите на милость! Тѣмъ, что смѣюсь громче, чѣмъ это принято въ гостиныхъ, не умѣю чинно сидѣть, сложивъ ручки на животикѣ, выпрямивъ станъ и съ сахарной улыбкой на медовыхъ устахъ отвѣчать, потупивъ очи долу: да-съ! нѣтъ-съ!—какъ эта разряженная кукла Катенька Золотова.

Вотъ никогда бы не стала женою такого скучнаго субъекта, какъ Гришенька.... Можете себѣ представить, что онъ говоритъ?...

Да что повторять всякія архаическія разсужденія... Возьмите «Домострой», и вы получите понятіе о мнѣніяхъ моего брата касательно женщинъ... Я одинъ разъ совершенно серьезно спросила его, не думаетъ ли онъ, что живетъ во времена Іоанна Грознаго.

Когда онъ, какъ мнѣ показалось, заинтересовался Лелей, и ея глазки самодовольно блистали при его ухаживаніи, я ей напрямикъ заявила, что не захочу имѣть съ ней ничего общаго, если она посмѣетъ плѣниться моимъ единоутробнымъ братомъ. Леля удивленно посмотрѣла на меня и смѣясь сказала: неужели ты полагаешь, что я слѣпа и хоть капельку могу идеализировать этого медвѣдя... я не люблю практиковъ, а вскружить имъ голову—почему нѣтъ!

— О, если только въ этомъ дѣло,—сказала я,—то благословляю тебя... на успѣхъ! Такихъ господъ стоитъ немножко поморочить... Сбить имъ спесь!

Леля на это мастерица—я знаю.... Я и сама не прочь поводить за носъ... глупцовъ... Это весело и хоть немножко разнообразитъ нашу скучную жизнь... То-то бывало у насъ съ Лелей хохоту, когда мы сойдемся да разговоримся о томъ, какъ ловко ловимъ на нашу женскую удочку кокетства разную рыбицу, сирѣчь, сильную половину человѣческаго рода... а по-моему мы, женщины, куда сильнѣй! Сидишь себѣ на бережку да любуешься, какъ барахтается на крючкѣ довѣрчивый карась. Прелесть! Я знаю, что насъ могутъ принять за очень легкомысленныхъ и даже жестокихъ дѣвушекъ,—

а это не правда. Во-первыхъ, кто же не любитъ удовольствій, которыя современная педагогика ставитъ краугольнымъ камнемъ воспитанія, а, во-вторыхъ, и мужчины тоже не лучше насъ. Вотъ хоть бы взять моего брата... Его женщины любятъ, хотя я, право, не знаю, за что. Леля говоритъ—за его нѣжные, мягкіе глаза... Пожалуй! Я прибавлю при этомъ—и за лесть... Да, онъ любитъ льстить женщинамъ, потому что, какъ котъ, нѣжится въ атмосферѣ женскихъ ухаживаній—я не разъ замѣчала, какъ онъ флиртуетъ глазами съ дамочками, которыя увиваются вокругъ него... А если бы онѣ слышали, какъ онъ потомъ отдѣлываетъ ихъ же! Вотъ это-то и подло, это меня и бѣситъ... Да если бы я была на мѣстѣ Лели, я бы такъ втюрила его—ой-ой-ой! А потомъ бы и антраша дала. Леля раскисляй, боится шагнуть посмѣлѣй—совѣсть, говоритъ, не позволяетъ, а при чемъ тутъ совѣсть? По отношенію къ такимъ господамъ, какъ мой братъ и подобные ему, никакой совѣсти не подобаетъ имѣть—очень ужъ они толстокожи! Другое дѣло—Михаилъ Иванычъ... такихъ людей надо беречь... они деликатны, нѣжны, честны... до умопомраченія... Хотя я и кокетничала съ нимъ въ былое время, но безъ всякой задней мысли... я дѣйствительно хотѣла полюбить его, а онъ поторопился—не далъ мнѣ времени толкомъ разобраться въ себѣ и уѣхалъ... Мнѣ стало грустно... Единственный человѣкъ, котораго я искренно уважала, исчезъ съ моего горизонта. Это было вскорѣ по окончаніи гимназіи, я была совсѣмъ молода, да и онъ еще мальчишка, хотя лѣтъ на пять старше меня. Не права ли я была, отвѣтивъ на его пылкое признаніе: намъ рано еще думать о женитьбѣ. А онъ принялъ это за рѣшительный отказъ и уѣхалъ, даже не простившись со мной... и вдругъ послѣ четырехъ лѣтъ молчанія—письмо! Я была бы теперь глупа, если бы не поѣхала за нимъ, т. е. въ колонію. Почему-то мнѣ кажется, что его отношенія ко мнѣ не измѣнились, а это очень много значитъ въ наше безчувственное время. Быть вѣрнымъ своей первой любви—если бы сердце у меня было изъ камня, то и тогда бы оно тронулось... Но и, помимо всего, Мишеньку я всегда выдѣляла изъ толпы своихъ поклонниковъ.

Воображаю его радость, когда онъ получитъ мое письмо. Я увѣрена, что онъ совсѣмъ не ожидаетъ меня... Что же, разъ Миша увлекся этимъ дѣломъ, то, пожалуй, оно и въ самомъ дѣлѣ хорошее, а если оно хорошее, то нужно поддержать: только почему это, несмотря даже на сарафанъ, мой смѣтливый бѣсенокъ нѣтъ-нѣтъ, да и вынырнетъ и, среди самыхъ добросовѣстныхъ размышленій, что вотъ молъ и я наконецъ стану въ ряду борцовъ за правду, скорчитъ гримасу и подшучиваетъ надъ всей нашей затѣей... А вѣдь я въ самомъ дѣлѣ хочу проникнуться идеей, не потому, конечно, что Михаилъ Иванычъ служитъ ей, а потому, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ жить въ пустотѣ!. Леля, та въ этомъ отношеніи куда счастливѣе ме-

ня: она такъ беззавѣтно прониклась духомъ трудовой жизни, что уже принялась за хозяйничанье—начала мыть полы, стирать. И какъ, говоритъ, весело бываетъ послѣ того, какъ наработаешься! И скуки меньше и чепуха въ голову не лѣзетъ. А я фланирую и иногда безъ смѣха не могу смотрѣть на усиліе Лели опроститься. Она все это продѣлываетъ всерьезъ, а я... впрочемъ, думаю, что и я тамъ.... проникнусь.

Мы скоро будемъ готовы, да и погода пока пошаливаетъ. Какъ совсѣмъ повѣетъ весной, махнемъ въ Одессу, а оттуда на пароходѣ въ Новороссійскъ... Если говорить правду, то меня теперь больше интересуетъ путешествіе и ожиданіе, что увижу горы; ради этого одного стоитъ потрудиться въ колоніи... Мама увѣрена, что я тамъ и мѣсяца не пробуду, а я увѣряю ее, что останусь все лѣто... Увидимъ—будущее скажетъ.

III.

Какъ все-таки грустно уѣзжать! Я стала удивительно кротка и добронравна. Даже съ Гришей перестала пикироваться. Онъ примирился съ моей фантазіей и уже не изображаетъ изъ себя огорченнаго ментора.

Я и Леля положительно стали героинями дня. Надъ нами хотя и подсмѣиваются, а все-таки не могутъ отказать въ удивленіи и даже нѣкоторомъ почтеніи. Какъ ни какъ, а согласитесь, что въ нашей поѣздкѣ въ колонію есть нѣчто неординарное: барышни, бѣлоручки, да притомъ съ достаткомъ, ѣдутъ за тридевять земель... киселя ѣсть.

Я такъ прониклась за этотъ мѣсяцъ идеей, что себя не узнаю: ораторствую, кипячусь, защищаю колонію, какъ свое собственное дѣтище. Одно мнѣ не нравится: отчего Михаилъ Иванычъ не описываетъ болѣе подробно всю ихъ жизнь, а отдѣлывается общими фразами: мирно, любовно... работаемъ. Меня подозрѣнія берутъ: развѣ можно повѣрить, что на землѣ есть рай?

Леля не сомнѣвается; она недавно проговорилась, что надѣется тамъ встрѣтить человѣка, который и т. д.... Теперь я понимаю, откуда у нея столько прыти набралось. Наши тайныя желанія совпадаютъ, только у меня все дѣло на реальной подкладкѣ, а у нея воздушные замки. Она навѣрное мечтаетъ покорить сердце самаго умнаго, самаго выдающагося, самаго лучшаго изъ всѣхъ... А что если таковой занятъ уже?

За Михаила Иваныча я увѣрена. Въ его письмѣ звучатъ такія радостныя ноты по поводу моего пріѣзда, что мое сердечко затрепетало... Михаилъ Иванычъ, вы сами летите на огонь, не спасуйте второй разъ!

А что если онъ не интересуется мною попрежнему, если увлекся другой женщиной? Ну, чтожъ, это будетъ еще веселѣе. Всегда дороже то, что достается послѣ борьбы...

IV.

Море и небо, небо и море, а справа синѣетъ извилистая полоса Крыма. Погода, противъ ожиданія, чудесная. Я и Леля—въ восхищеніи!

Такъ хорошо чувствовать себя совершенно свободной, вдали отъ мелочныхъ интересовъ и обычныхъ людей... Пассажировъ мало... Пароходные служащіе поглядываютъ на насъ, но мы рѣшили ни съ кѣмъ не знакомиться—ну ихъ! Мы усаживаемся вдвоемъ на кормѣ и любуемся широкою далью моря.

Мы такъ увлеклись имъ и нашимъ приподнятымъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, что совершенно позабыли цѣль нашего путешествія, по крайней мѣрѣ, перестали говорить о ней, такъ что когда пароходъ вошелъ въ Новороссійскую бухту, и мы вспомнили, что конецъ блаженству, то стало какъ-то жутко. Жаль, что я извѣстила Михаила Иваныча о днѣ выѣзда, а то бы мы махнули до Батума, а потомъ ужъ въ колонію.

Онъ дѣйствительно былъ на берегу... Я окинула его бѣглымъ взглядомъ—ничего, не дуренъ; если измѣнился, то къ лучшему: лицо стало мужественнѣе, а глаза тѣ же—вдумчивые, ласковые, но какъ будто подернутые дымкой грусти... Мнѣ сразу стало весело.

— Послушайте, дружище, вы вѣдь совсѣмъ европеецъ! — сказала я, оглядывая его костюмъ, когда мы, наконецъ, усѣлись на тряскую смѣшную таратайку.

— А вы что же думали?

— Воображали васъ настоящимъ мужикомъ — въ лаптяхъ, съ подоплекой и... все прочее!

— Неужели вы и работаете такъ?— наивно спросила Леля, дотрогиваясь до рукава его пальто:—женщины тоже такъ одѣваются?

— Нѣтъ, мы только въ городъ ѣздимъ такъ... а дома просто.

— Вотъ какъ! Значитъ вы не признаете «опростѣнія», а мы думали...

— Чтожъ продолжайте, что вы думали?

— Мы думали, что вы главнымъ образомъ занимаетесь опростѣніемъ! — расхохоталась я.

— Вы все та же шутница, Шура, — произнесъ онъ, смущаясь подъ моимъ взглядомъ.

Ахъ, развѣ я виновата, что мой бѣсенокъ показалъ свою смѣшливую рожицу и подталкивалъ меня на штучки! Но къ моему счастью нашъ чудесный экипажъ подкатилъ къ не менѣе чудесному замку, то-есть къ постоялому двору, гдѣ имѣли обыкновеніе останавливаться господа колонисты. Ну, ужъ и грязища же тамъ! Я никогда не видавала такой. Михаилу Ивановичу пришлось изобразить изъ себя носильщика такого хрупкаго товара, какъ я и Леля, потому что мы не испытывали никакого желанія завязнуть по ко-

лѣна въ болотѣ... Что хохоту было! Вышла хозяйка — дебелая, рослая женщина съ хитрыми, смѣтливыми глазами и удивительнымъ, словно пуговица, носомъ... Мы помѣстились въ очень маленькомъ номерѣ, гдѣ, кромѣ кровати и стола, ничего не было. Это намъ ужасно нравилось — это уже пахло опрощеніемъ — не такъ ли? Переодѣвшись, мы вышли въ столовую къ Михаилу Иванычу... Собственно это была не столовая, а общая, гдѣ ночлежники платили за койки. Михаилъ Иванычъ тоже помѣстился въ общей, гдѣ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ, такъ что мы снова втроемъ забрались въ нашу клѣтушку... Я и Леля забрасывали Михаила Иваныча вопросами о колонистахъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ, но онъ не далъ никакихъ обстоятельныхъ объясненій, изъ чего я сдѣлала выводъ, что закваска не готова... Большую часть вечера мы провели въ воспоминаніяхъ прошлаго...

V.

Выѣхали въ колонію на зарѣ, чтобы къ вечеру поспѣть на мѣсто. Цѣлый день провели среди горъ, то поднимаясь, то опускаясь по извилистой дорогѣ... Природа роскошная — горы сплошь покрыты лѣсомъ, рѣчки и ручьи встрѣчаются на каждомъ шагу... Полдничать мы остановились на перевалѣ, гдѣ расположились въ такъ называемой инженерской хаткѣ; сквозь стѣны, сплетенныя изъ вѣтокъ, дуло самымъ немилосерднымъ образомъ. Михаилъ Иванычъ набралъ дровъ, чтобы растопить огонь и сварить чай. Оставивъ его хозяйничать, мы отправились гулять... Буквально дикій восторгъ охватилъ насъ, когда предъ нами открылась широкая перспектива залитыхъ солнцемъ горъ, которую мы привѣтствовали звонкимъ крикомъ свободной души. Взявшись за руки, мы пустились въ низъ по черкесской тропѣ, гдѣ слышалось веселое журчанье ручья. Сообразивъ, что прямая линія короче ломаной, мы не послѣдовали вправо за тропинкой, а махнули напрямикъ: вотъ тутъ-то насъ атаковало безчисленное множество колючихъ растеній; они хватали насъ за платья, за волосы, за ноги, царапали руки, какъ будто возмущенныя, что двѣ смѣлыя дѣвушки осмѣливаются проникнуть въ таинственную, нетронутую глубину лѣса... Это было уморительно, и насъ обуялъ гомерическій хохотъ, который мѣшалъ нашей борьбѣ съ врагами... Какъ извѣстно, борьба разгорячаетъ, и намъ, во что бы то ни стало, хотѣлось побѣдить неожиданныя препятствія, и хотя съ трудомъ, но мы все-таки подвигались впередъ до тѣхъ поръ, пока попали въ такую заросль, что должны были сдаться; пришлось отказаться отъ мысли посѣтить волшебный замокъ, такъ тщательно охраняемый вѣрными стражами, и ретироваться обратно, но въ какомъ видѣ!.. Платья изорванныя, волосы растрепанные, лица раскраснѣвшіяся; но глаза наши блистали такимъ удовольствіемъ, а грудь была наполнена такимъ блажен-

ствомъ, что мы въ одинъ голосъ такъ закричали, что Михаилъ Иванычъ выбѣжалъ посмотрѣть, не случилось ли съ нами какой бѣды... Завидѣвъ насъ, онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— А что попробовали кавказскаго лѣса?

— Да, онъ коваренъ!—отвѣтила я. Мнѣ на мгновеніе стало неловко, что вотъ онъ видитъ меня въ такомъ безпорядкѣ, но когда я замѣтила, съ какимъ неподдѣльнымъ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на меня, — я забыла все на свѣтѣ.

Никогда я не была такъ счастлива, какъ тамъ, на верхушкѣ горы, любуясь коричневыми съ зеленымъ пушкомъ горами; на самыхъ высокихъ вершинахъ ослѣпительно блестѣлъ снѣгъ; тамъ, откуда не было видно никакого признака человѣческаго существованія, я была безгранично счастлива, сознавая, что то, что я вижу,— мое; мое—потому что я любуюсь этимъ, потому что я вдыхаю живительный воздухъ горъ, мое — до тѣхъ предѣловъ, куда хватаетъ глазъ... Ахъ, въ этомъ созерцаніи природы есть что-то упоительно прекрасное и высокое—кажется, будто духъ живого Бога вѣетъ надъ тобою и призываетъ душу въ необъятное царство вѣчной красоты и правды.

Однако, пора спустить тонъ, потому что наши костюмы хотя, можетъ быть, и гармонировали съ природой, во всякомъ случаѣ отказывались гармонировать съ порядочностью и благопристойностью; выпроводивъ самымъ безцеремоннымъ образомъ Михаила Иваныча, послѣдовавшаго за нами, мы достали нитки, иголки и принялись за ремонтъ, послѣ котораго напились чаю, подкрѣпили болѣе существенной пищей наши организмы и стали собираться въ дальнѣйшій путь. По правдѣ сказать, никому изъ насъ не хотѣлось уѣхать изъ этого мѣста, а Михаилъ Иванычъ особенно уныло сообщилъ, что это наша послѣдняя остановка... Остальная дорога не была такъ весела... Мы всѣ больше молчали, и беззаботность, осѣнявшая все время лицо Михаила Иваныча, смѣнялась угрюмою сдержанностью; такая метаморфоза заставила меня подтолкнуть Лелю и кивкомъ головы указать на этотъ многозначительный въ моихъ глазахъ фактъ.

VI.

Пріѣхали мы въ колонію, когда солнце уже сѣло. Всѣ колонисты — числомъ восемь, кромѣ Михаила Иваныча, — встрѣтили насъ на крыльцѣ; четыре мужика и четыре бабы, какъ они сами величаютъ себя.

Читатель навѣрное ждетъ, что я познакомлю его съ обитателями колоніи, съ ихъ физіономіями, манерами, индивидуальными особенностями и проч., что обыкновенно считаютъ нужнымъ описывать повѣствователи, и что, говоря между ними, я имѣю обыкновеніе пропускать; читая интересный романъ, напримѣръ, я мало

интересуюсь, какой у кого носъ, какой складъ губъ и проч., меня главнымъ образомъ интересуетъ интрига и развитіе ея... Я не послѣдую общему правилу, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи очертить нѣсколькими штрихами главарей — это сейчасъ видно — дѣла. Онъ, или Василій Ѳедоровичъ — основатель колоніи—высокій широкоплечій мужчина, въ сѣрой русской рубахѣ, высокихъ сапогахъ, имѣетъ лѣтъ за сорокъ. Благообразное русское лицо съ голубыми, умными, но холодными, какъ сталь, глазами, съ окладистой сѣдой бородой, внушаетъ почтеніе, которое я сейчасъ же ощутила, смиренно опустивъ глаза передъ его проницательнымъ взглядомъ... Она, или Зоя Андреевна—маленькая, юркая, почти такихъ же лѣтъ женщина, съ манерами институтки; почти такъ же часто подымаетъ вверхъ свои восторженные сѣрые, красивые глаза, произноситъ: ахъ! и при этомъ слѣдитъ, какое получается впечатлѣніе; она сохраняетъ почти всегда на лицѣ привѣтливую улыбку, подслащиваетъ голосъ и обращается ко всѣмъ на ты; любитъ также употреблять уменьшительныя и даже ласкательныя имена... Къ ней, несмотря на почтенный снѣгъ, украсившій пышную шевелюру изъ короткихъ волосъ, обрамлявшихъ высокій либъ, я не испытала никакого внутренняго почтенія и потому смѣло выдержала инквизиторскій, то-есть, простите, я хотѣла сказать, наблюдательный взглядъ. Молодежи, включая сюда и Михаила Иваныча,—три человѣка; всѣ остальные средняго возроста... Лица, особенно женщинъ, поразили меня своимъ усталымъ и почти безжизненнымъ видомъ; только лицо Зои Андреевны сіяло.

Все это я замѣтила въ первый вечеръ за чаемъ, но интереснаго ничего не произошло; говорили о лопатахъ, грабляхъ и другихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, въ которыхъ я ни бельмеса не смыслю, тѣмъ болѣе, что была поглощена наблюденіемъ за Михаиломъ Иванычемъ.

Что съ нимъ сдѣлалось? Куда дѣвалась его игривая веселость, его искренній смѣхъ, непринужденныя манеры? Я инстинктивно стала оглядывать углы—не увижу ли какой предметъ, который объяснилъ бы мнѣ причину метаморфозы... Но, нѣтъ! всѣ углы пустовали и самымъ беззастѣнчивымъ образомъ выказывали сырость. Тогда я стала пялить глаза на остальныхъ... то же уныніе и та же сдержанность! Мнѣ вдругъ захотѣлось, да такъ сильно, что поджилки затряслись, выкинуть какую нибудь штучку, сказать смѣшное слово, залиться неудержимымъ смѣхомъ... и вдругъ! не могу, точно что-то внѣшнее меня удерживаетъ.

Этотъ первый вечеръ произвелъ и на Лелю не менѣе тягостное впечатлѣніе... Когда мы, наконецъ, остались вдвоемъ въ нашей комнатѣ, я встрѣтила ея недоумѣвающій и какой-то тусклый взглядъ...

— Что ты пріуныла?—не безъ ироніи спросила я ее. Въ душѣ я торжествовала. Мой здравый, положительный взглядъ на вещи

подтвердился самымъ реальнымъ путемъ, въ ущербъ туманной мечтательности моей подруги.

— Такъ, ничего, я устала и хочется спать,—уклончиво отвѣтила она и стала раздѣваться, очевидно не желая признаться въ своей ошибкѣ...

Вѣдь она мечтала о героѣ, необыкновенныхъ подвижникахъ, ну, а настоящее далеко уступало такому представленію... Однако, пора послѣдовать примѣру Лели... Кажется, что здѣсь встаютъ рано, по звонку... вотъ ужасъ!

Прощай, мой милый, сладкій утренній сонъ! Тебя завтра жестоко нарушитъ дѣйствительность. Прощай, моя комфортабельная постель!.. воображаю, какъ будутъ бока болѣть послѣ соломы... Леля, кажется, не спитъ... Бѣдняжка, ей вѣчно приходится разочаровываться въ чемъ нибудь...

VII.

Намъ дали два дня, чтобы мы могли отдохнуть послѣ дороги и присмотрѣться къ жизни колонистовъ. Прежде всего мы съ Лелей взяли въ чичероне Михаила Иваныча, обозрѣли хозяйство и мѣстность. Во владѣніи колонистовъ находится сто десятинъ гористой и лѣсистой земли, называемой «бывшіе черкесскіе аулы»... Дома и службы расположены на плоскогорьѣ, гдѣ говорятъ меньше свирѣпствуютъ лихорадки, чѣмъ въ низинахъ. Отъ сосѣднихъ казацкихъ земель этотъ участокъ отдѣляется быстробѣгущей горной рѣчкой, лѣвый пологій берегъ которой представляетъ обширную «леваду», гдѣ колонисты сѣютъ пшеницу. Запашки десятинъ шесть; западный склонъ горы разработанъ подъ виноградникъ, и въ этомъ году разсаживаютъ его. Прежде нужно было выкорчевать деревья, ибо, какъ я сказала выше, тамъ почти сплошной лѣсъ. Все остальное въ проектѣ.

Проектируется разведеніе лѣкарственныхъ растеній, и даже на пробу пріобрѣтены сѣмена хлопчатобумажнаго дерева. Есть проектъ устроить водяную мельницу, а также пилку дерева изъ своего лѣса. Много толкуютъ объ интенсивномъ хозяйствѣ, какъ болѣе подходящемъ къ почвѣ, климату и силамъ колонистовъ, а силами они похвастать не могутъ. Настоящихъ работниковъ всего два человѣка: Семенъ Петровичъ—бывшій семинаристъ и энгельгардецъ,—и Митрій, молодой парень изъ крестьянъ, ученикъ агрономической школы, да двѣ женщины. Остальные плохіе работники, такъ что безъ вольнонаемнаго труда—больное мѣсто колонистовъ,—они пока не могутъ справляться... Сдѣлавъ обходъ ихъ хозяйства и не преминувъ заглянуть въ сараи, конюшни, гдѣ были четыре лошади, въ хлѣвъ для трехъ коровъ, мы постарались проникнуть и поглубже въ суть дѣла, то-есть цѣли, привлекшей сюда колонистовъ. Странныя ощущенія испытывала я, погружаясь въ эту болѣе знакомую мнѣ область, область идей: такія ощущенія, какъ если бы меня привели въ ка-

кое нибудь необычайное зданіе и сказали: а, ну-ка, угадай, къ чему оно предназначается? Есть ли это монастырь, семейный домъ или тюрьма?.. А такъ какъ въ обстановкѣ его я наталкиваюсь на разнообразные предметы, напоминающіе и то, и другое, и третье, то совершенно теряюсь въ догадкахъ. Я не думаю, чтобы чаще всего употребляемыя слова: нравственное самоусовершенствованіе, альтруизмъ, точно такъ же, какъ противопоставленія себя «внѣшнему міру», объясняли что нибудь... Не могу же я себѣ представить, чтобы человѣкъ серьезно полагалъ, что онъ живетъ для того, чтобы усовершенствоваться; по-моему нужно для чего нибудь совершенствоваться—иначе образуется какая-то пропасть—это во-первыхъ. Во-вторыхъ, если «внѣшній міръ, то-есть, все человѣчество ошибается, идетъ не туда, куда слѣдуетъ, то тѣ, кто овладѣлъ истиной, пусть покажутъ, куда нужно идти—не правда ли? Отвѣтъ: къ нравственному самоусовершенствованію. Нѣтъ, воля ваша, а я тутъ ничего не понимаю... точно какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выбраться. Я такъ затосковала отъ непривычки къ головоломнымъ разсужденіямъ, что рѣшила махнуть рукой и воспользоваться по своему досугомъ... Весна уже въ разгарѣ, деревья покрываются молодою листвой, земля радостно улыбается, покрываясь зеленымъ ковромъ, и фіалки такъ чудесно пахнутъ.

Было бы просто безуміемъ сидѣть да искать отвѣтовъ на скучные вопросы, когда весна манитъ на просторъ—въ лѣсъ, въ горы, къ морю. И набѣгались же мы съ Лелей... въ волю! Заберемся куда нибудь вдаль, чтобы и духа человѣческаго не слышать, чтобы ни одинъ любопытный взглядъ не смѣлъ проникнуть, какъ мы рѣшали всѣ вопросы. По-моему, вопросъ, кто скорѣй: я или Леля, сбѣжитъ по совсѣмъ отвѣсной тропинкѣ къ морю, куда интереснѣе—ужъ по по крайней мѣрѣ потому, что мы сейчасъ получимъ на него отвѣтъ. Разъ... два!.. Я расправляю свои члены, ловко подбираю платье и лечу... удивляюсь, какъ ноги остались цѣлы у насъ. А какъ непріятно возвращаться домой!.. Уже заранѣе знаешь, что встрѣтишь недоброжелательный ироническій взглядъ Зои Андреевны, сдержанный шопотъ, грустное, вытянутое лицо Михаила Иваныча—онъ меня просто начинаетъ бѣсить—совсѣмъ бука сталъ!

Въ обществѣ колонистовъ я держусь чинно, солидно, не отпускаю никакихъ остротъ, шутокъ, а это тягостно. Не мудрено, если, пообѣдавъ, мы улавливаемъ моментъ и удираемъ. Жаль, что здѣсь нѣтъ моей Жучки, то-то бы мы повозились! Леля, говоря откровенно, мямля; любитъ сидѣть и мечтать, и мнѣ стоитъ не мало труда заставить ее карабкаться по горамъ... Но за то, если ужъ она разойдется, удержу нѣтъ! Эхъ, вотъ бы такъ на свободѣ хорошо пожить здѣсь! Но дѣлать нечего; два дня прошли, какъ милый сонъ, и намъ пришлось взяться за трудъ, учиться варить, стирать и проч. Вставали мы въ шесть часовъ и расходились по своимъ обязанно-

стямъ—женщины больше по домашнему хозяйству—коровъ доить, обѣдъ варить, а мужчины на пашню, въ лѣсъ дрова рубить. Работа въ полѣ шла плохо, во-первыхъ, задулъ противный нордъ-верстъ и нанесъ тучи, пошли дожди... такъ что мужики наши, собственно говоря, больше валандались да балясы точили... И я немало дивилась тому обстоятельству, что настилку пола въ предполагаемой гостиной производили не они сами, а наемщики; впрочемъ, это уже спеціальность и не относится къ земледѣльческому труду... Грязища стояла непролазная, что меня и Лелю очень огорчало, такъ какъ мы не могли сейчасъ приступить къ вскапыванью земли подъ огородъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть подъ надзоромъ да шить рубахи изъ сѣраго холста... И какъ же мы обрадовались, когда увидали клочекъ голубого неба, а потомъ и ликующіе лучи солнца... Дня черезъ три земля просохла, и мы, освободившись отъ нашихъ хозяйственныхъ занятій, съ увлеченіемъ принялись за трудъ и самымъ усерднымъ образомъ взрывали рыхлую почву и вдыхали живительный горный воздухъ, любуясь видомъ на море. Иногда къ намъ подходилъ Михаилъ Иванычъ полюбоваться и предостеречь...

— Не налегайте очень, Шура... вы нервами работаете, устанете скоро.

— Пустяки!.. А вы откуда, что дѣлали?

— Да, собственно говоря, ничего... толкаюсь.

— Какъ, развѣ для васъ работы нѣтъ?

— И самъ не разберу... безпорядокъ у насъ какой-то! Нѣтъ толковаго распорядителя.

— Экій вы!.. вамъ бы только на помочахъ... Видите, что нужно дѣлать, и валяйте!

— Да въ томъ-то и дѣло, что не знаю, за что взяться. Поѣхалъ бы въ лѣсъ, да лошадей нѣтъ, заняты...

Нѣтъ, положительно «мужики» меня начинаютъ раздражать. Соберутся вечеромъ за чаемъ и толкуютъ о томъ, что вотъ то-то и вотъ то-то не сдѣлано — хлѣвъ не вычищенъ, сбруя въ безпорядкѣ, заборъ валится—охаютъ, возмущаются своимъ нерадѣніемъ, а глядишь назавтра то же самое. Активности, побольше активности!—твердитъ Зоя Андреевна, а за ней и другіе... Интеллигентная распущенность, нерадѣніе!—ворчитъ Василій Ѳедоровичъ, и всѣ соглашаются, что это дѣйствительно такъ... Отчего это? Дѣйствительно ли тутъ виновата халатность русскихъ людей или нѣчто другое? Я склонна скорѣе приписать «отсутствіе активности», такъ огорчающее главарей дѣла, тому обстоятельству, что большинство не чувствуютъ себя здѣсь хозяевами, то-есть людьми, дѣйствительно считающими хозяйство своимъ собственнымъ дѣломъ. Они даже не производятъ впечатлѣнія пайщиковъ, а скорѣе не то наемниковъ, не то опекаемыхъ. Причина же этому кроется въ различіи умственнаго развитія колонистовъ. Василій Ѳедоровичъ — человѣкъ обра-

зованный, съ громадной эрудиціей, подавляетъ другихъ; передъ его духовной силой робѣютъ и стушевываются остальные. Спорить съ нимъ считается невозможнымъ. Только Зоя Андреевна да еще Семенъ Петровичъ пользуются его уваженіемъ и стоятъ съ нимъ на равной ногѣ; Зоя Андреевна даже оказываетъ на него немалое вліяніе...

Если Василій Ѳедоровичъ—глава колоніи, то Зоя Андреевна—сердце ея, а такъ какъ голова и сердце не всегда солидарны между собой, то между ними случаются идейныя столкновенія. Впрочемъ, главенство Василія Ѳедоровича еще поддерживается и тѣмъ, что онъ доставляетъ еще неокрѣпшей, въ смыслѣ продуктивности, колоніи средства къ ея процвѣтанію, удаляясь на «отхожіе промыслы». Онъ не постоянный житель колоніи, а пріѣзжаетъ сюда на отдыхъ; во время его отсутствія умственнымъ центромъ остается Зоя Андреевна. Она несетъ и воспитательную часть, составляетъ дневники и блюдетъ за нравственностью колонистовъ, занимаясь физическимъ трудомъ по вдохновенію, когда захочется расправить члены на чистомъ воздухѣ. Собственно, по росписанію, весь день долженъ уходить на физическій трудъ, чередуясь съ отдыхами во время ѣды; намъ, женщинамъ, сейчасъ же послѣ обѣда приходится приниматься за уборку посуды, а мужчины отдыхаютъ часокъ, другой... потомъ опять физическій трудъ до вечерняго чая... По вечерамъ—обязательная вязка табаку... Мы всѣ собираемся въ столовой, сортируемъ листья и связываемъ въ пачки, а Зоя Андреевна читаетъ вслухъ.

Но, видно, день, проведенный въ физическомъ трудѣ, не очень-то располагаетъ къ умственному; по крайней мѣрѣ, я не разъ замѣчала у слушателей довольно печальные и даже совиные взгляды, а нѣкоторые—настоящіе ребятишки—таки подремывали. И не мудрено! Когда намаешься за цѣлый день, да притомъ на людяхъ, такъ хотѣлось бы побыть одному, у себя въ комнатѣ, поваляться, почитать, сообразить, подумать.

Въ девять-десять часовъ всѣ расходятся по своимъ угламъ. Я не привыкла ложиться спать такъ рано, и мы съ Лелей—у насъ отдѣльная комната—затащимъ къ себѣ Михаила Иваныча и проболтаемъ до полуночи. Однако, это не нравится нѣкоторымъ: на насъ посматриваютъ косо, а Михаилу Ивановичу поручили приведеніе въ порядокъ библіотеки, на что ему приходится тратить и наши вечера... Ловко! Но мы тоже не промахъ, и я уговорила Лелю идти вмѣстѣ со мной помогать Михаилу Ивановичу. Живемъ мы въ большомъ домѣ, гдѣ помѣщаются холостые и дѣти; здѣсь же столовая, библіотека, будущая гостиная, въ которой стоитъ пока одно піанино, кухня и еще двѣ комнаты; одну изъ нихъ, рядомъ съ дѣтской, занимаемъ мы. Кромѣ этого дома, есть еще три хатки; въ одной помѣщается Зоя Андреевна, въ остальныхъ живутъ женатые колонисты. Убранство комнатъ простое: пары, замѣняющія

кровати, простой столъ, полки и... больше ничего. Въ общемъ неуютно, непривѣтно; стѣны сомнительной бѣлизны, изъ оконъ дуетъ, и выходитъ нѣчто, напоминающее сарай. Режимъ жизни, вообще, строгій—какова обстановка, такова и пища, т.-е. ѣдятъ, чтобы желудокъ не пустовалъ. Утромъ, въ 8 часовъ—чай съ молокомъ и темнымъ пшеничнымъ хлѣбомъ; въ обѣдъ—супъ постный или щи, каша съ масломъ; въ 8 часовъ ужинъ—тоже, что и въ обѣдъ, и чай... Мясо рѣдко, и поговариваютъ даже о вегетаріанствѣ... Я и Леля буквально голодаемъ. Одинъ разъ, послѣ обѣда, меня такъ подвело, что я пошла въ кухню хоть хлѣба раздобыть... И, о счастье, застаю тамъ нашихъ трехъ колонистокъ, уписывающихъ кислую капусту. Онѣ, видимо, смутились моимъ неожиданнымъ приходомъ.

— Ага,—сказала я,—и васъ подвело отъ поста!

Мигомъ сбѣгала за Лелей, привела ее. Надо вамъ сказать, что только одна изъ нихъ, Ольга Ивановна, интеллигентная, двѣ послѣднія, отличныя работницы, выражали свое неудовольствіе по поводу стола.

— Отчего же вы тогда не заявите объ этомъ?—наивно спросила Леля.

— Какая ты непонятная! А совершенствоваться кто будетъ?—простодушно замѣтила я.

— Мы живемъ по нашимъ средствамъ,—спокойно отвѣтила Ольга Ивановна:—пока у насъ получается дефицитъ... Вотъ когда сумѣемъ больше заработывать, тогда будемъ лучше питаться.

— Это вы говорите! А набольшіе полагаютъ, что нужно потребности желудка довести до минимума, и сколько я ни вслушивалась, никто не возражаетъ на это.

— Что возражать, когда все равно мы не можемъ добыть большаго!

— А такъ-то лучше—тайкомъ?—не выдержала я.

Этой фразой я окончательно погубила себя, потому что... Впрочемъ, это одно мое предположеніе... Мнѣ показалось, что при встрѣчѣ Зоя Андреевна особенно недружелюбно посмотрѣла на меня... Пусть, а только я молчать не буду... Леля уговариваетъ меня не горячиться; она, бѣдняжка, совсѣмъ пріуныла... Во-первыхъ, нѣтъ «его», а, во-вторыхъ... похоже ли это на рай земной? Она проговорилась даже объ отъѣздѣ. Но у меня своя цѣль; а потомъ, какъ же уѣхать, хорошенько не познакомившись со всѣмъ?.. Нельзя!..

VIII.

Часъ отъ часу не легче! Вбѣгаю на минутку въ библіотеку къ Михаилу Ивановичу и застаю Василія Ѳедоровича, громко и довольно грубо дающаго «нагоняй» нашему милѣйшему Вадиму. Весельчакъ, болтунъ Вадимъ часто нарушалъ тяжелое молчаніе на-

шего разнокалибернаго общества своими наивными, не лишенными юмора, шутками, и за это онъ мнѣ нравился... Съ нимъ всегда я чувствовала себя хорошо, легко. Человѣкъ, безъ всякихъ претензій на умственность, онъ пожилъ, какъ говорится, на своемъ вѣку и любилъ пожить... Я часто спрашивала себя, что̀ заставило этого «неидейнаго» человѣка прилѣпиться къ колоніи, суровый режимъ которой не соотвѣтствовалъ его натурѣ.

Отвѣтъ—неумѣнье приспособиться къ жизни... Кутила и мотъ въ міру, онъ часто попадалъ въ критическое положеніе, и Василій Ѳедоровичъ не разъ выручалъ его, и теперь его опекаютъ самымъ усерднѣйшимъ образомъ. Когда я зашла въ библіотеку, то застала его въ такомъ униженномъ видѣ, со слезами на глазахъ, что сердце мое дрогнуло. Лицо же Василія Ѳедоровича было гнѣвно, и глаза метали холодныя искры. Михаилъ Ивановичъ былъ смущенъ и блѣденъ, а мнѣ стало ужасно неловко и стыдно, сама не знаю за что. Мое вторженіе произвело маленькій переполохъ, и всѣ дѣйствующія лица измѣнили свое положеніе.

— Вообразите себѣ,—обратился ко мнѣ Василій Ѳедоровичъ:— онъ вздумалъ покупать ружье... въ то время, когда заработать на свое пропитаніе не можетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ!—оправдывался робко обвиняемый.—Я высказалъ имъ только свое желаніе.

— Какъ можно имѣть такія нелѣпыя, легкомысленныя желанія?— негодующе сказалъ Василій Ѳедоровичъ.

— Почему нельзя?—спросила я.—Вадимъ любитъ охоту, и ему естественно желать ружье, это—во-первыхъ; а, во-вторыхъ, онъ могъ бы снабжать колонію мясомъ.

— Охъ, вы чревоугодники! — не то съ ироніей, не то шутливо произнесъ онъ и вышелъ.

Вадимъ былъ сильно огорченъ не тѣмъ, что ему не позволяли покупать ружья, а той грубой формой, съ которой на него набросились... Да, Василій Ѳедоровичъ третируетъ его иногда, какъ мальчишку, и это передъ другими колонистами—что же это такое!

Положимъ, этотъ господинъ не внушалъ къ себѣ уваженія, ибо не имѣлъ своего внутренняго содержанія, флюгеръ, какъ окрестила его Леля, но вѣдь онъ же членъ колоніи и человѣкъ, уже перешедшій юношескій возростъ. Эта сцена навела на меня грусть, и мнѣ не хотѣлось идти на нашъ праздникъ, но Михаилъ Иванычъ такъ заволновался и такъ горячо убѣждалъ не быть экстравагантной, что я отправилась.

Праздновался день рожденія одного изъ членовъ колоніи; собственно праздникъ наступилъ вечеромъ, а день прошелъ въ обычной маятѣ. Прежде всего мы всѣ собрались въ гостиную, и виновнику торжества Зоя Анреевна вручила для назиданія его характеристику, въ которой вычитывались всѣ его недостатки, и затѣмъ

на сколько градусовъ онъ усовершенствовался въ теченіе года... Характеристику составляютъ сообща всѣ члены общины, а читаетъ онъ самъ-другъ съ собой, такъ что этого замѣчательнаго перла творчества колонистовъ мнѣ не удалось прочесть. Потомъ Зоя Андреевна играла на піанино, всѣ хоромъ пѣли гимнъ, послѣ чего устроили живую картину, изображавшую весну—мальчикъ въ цвѣтахъ, потомъ поговорили всѣ «полюбовно», «сердечно» и разошлись. Это былъ собственно первый и послѣдній вечеръ развлеченія, на которомъ я присутствовала. Впрочемъ, къ числу развлеченій также слѣдуетъ отнести составленіе церковнаго хора; колонисты собираются по воскресеньямъ пѣть обѣдни въ церкви сосѣдней станицы и по субботамъ самымъ усерднымъ образомъ, подъ руководствомъ Зои Андреевны, упражняются въ духовномъ пѣніи. Лѣтомъ, когда въ колонію съѣзжается молодежь, говорилъ мнѣ Михаилъ Иванычъ, то бываетъ веселѣе. Молодежь собирается на открытомъ воздухѣ, всѣ поютъ, шалятъ, живутъ своею жизнью, а теперь затишье и царство стариковъ... настроеніе возвышенное, тонъ приподнятый, идейный—и постоянное напоминаніе, что «мы не отъ міра сего». Скучно!

— Если вы не сожгли за собой кораблей, то не уживетесь у насъ,—сказала мнѣ однажды Зоя Андреевна, зашедшая ко мнѣ въ комнату съ цѣлью проникнуть въ мою душу и нагрузить шитьемъ.

— То-есть какъ это не сожгли кораблей? Это похоже на то, что я должна разорвать съ міромъ, семьей и друзьями.

— Да, не тяготѣть къ нему, не любить его, не стремиться къ нему. Для насъ міръ — наше дѣло, наша идея! надо отдаться ей всецѣло...

— Охъ, Господи! Да я только тогда и могу отдаться вашей идеѣ, если мы имѣемъ значеніе для міра.

— Міръ насъ не пойметъ, міръ будетъ смѣяться надъ нами... потому что мы живемъ для духа, а міръ для плоти.

— Позвольте, если вы живете для духа, тогда какъ же совмѣстить такое противорѣчіе: вѣдь добываніе хлѣба насущнаго отнимаетъ у человѣка всѣ силы до такой степени, что даже вечеромъ онъ не можетъ отдаться «духу» и думаетъ только о снѣ, опять же о плотскомъ? Само ваше дѣло отрицаетъ духовную жизнь.

Лицо Зои Андреевны слегка передернулось, она какъ-то изумленно и даже враждебно взглянула на меня и, придавъ своему лицу снова привѣтливое выраженіе, отвѣтила снисходительно съ оттѣнкомъ горечи и сожалѣнія.

— Въ этихъ вашихъ словахъ я слышу отголоски того міра, думающаго и чувствующаго иначе, чѣмъ мы. Духовный міръ — нравственное чувство, альтруизмъ, вотъ наша сфера; каждый изъ насъ живетъ не для себя, а для другихъ, заботится о другихъ...

— Извините, но я не вижу этой жизни для другихъ... Вотъ именно, у васъ каждый живетъ для себя, кромѣ Василія Ѳедоро-

вича, который дополняетъ дефициты и дѣйствительно хлопочетъ о другихъ.

Послѣднюю фразу я произнесла съ удареніемъ, бросивъ на нее многозначительный взглядъ... Ахъ, виновата ли я, что эти разговоры объ альтруизмѣ, о «нашемъ» мірѣ, въ которыхъ сквозила такая непомѣрная гордость, возмутили меня?.. И это говоритъ человѣкъ, отмежевавшій себѣ удобную позицію—какого-то умственнаго центра—позицію башни, передъ авторитетомъ которой должны склоняться всѣ. Она слегка поблѣднѣла, глаза метнули искры, и на губахъ появилась кривая усмѣшка.

— Не понимаю, что васъ привлекло къ намъ въ колонію,—сказала она послѣ короткой паузы, измѣряя меня ироническимъ взглядомъ.

Конечно, я ей не сказала, что именно заставило меня ѣхать, какъ вообще не желаю открывать свою внутреннюю суть. Во всякомъ случаѣ отношенія у насъ съ ней странныя, натянутыя, съ долей враждебности... Неужели правда, что я помѣшала проекту женить Михаила Иваныча на Ольгѣ Ивановнѣ и такимъ образомъ прикрѣпить его навсегда къ колоніи! Посмотримъ, что будетъ дальше.

IX.

Горизонтъ проясняется, перчатка брошена, и бой возгорается! Это мнѣ нравится: я вообще люблю движеніе, жизнь, борьбу...

Дѣло было въ субботу, на общемъ собраніи. Послѣ частныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, почему члены колоніи относятся небрежно къ общей собственности — лопатамъ, граблямъ, которыя оставляютъ гдѣ попало, вмѣсто того, чтобы аккуратно сложить въ сарай, и иныхъ менѣе интересныхъ вопросовъ, подняли вопросъ объ индивидуальности въ общинѣ. Я невольно бросила взглядъ въ сторону Михаила Иваныча и встрѣтила его немножко смущенное лицо. Кажется, что этотъ вопросъ, поднятый Зоей Андреевной, былъ вызванъ нашимъ поведеніемъ, такъ какъ мы съ Лелей рѣшили пользоваться досугомъ по своему и почти не принимали участія въ развлеченіяхъ колонистовъ, т. е. въ церковномъ пѣніи. Зоя Андреевна стояла на томъ, что въ интересахъ нравственнаго самоусовершенствованія и преуспѣянія общины всѣ члены должны жить одною жизнью и безусловно отдавать свою личность благу колоніи.

— Да, да!—въ тонъ ей подхватилъ Семенъ Петровичъ, представляющій всей своей особой типъ пермскаго мужика съ хитрымъ, себѣ на умѣ лицомъ:—да, да! только тотъ можетъ быть истиннымъ членомъ колоніи, кто проникнется всецѣло нашею жизнью, нашею идеей! — (При этой фразѣ соотвѣтственный взглядъ въ мою сторону).—Я даже думаю, Зоюшка, хорошо было бы, если бы каждый

обязывался указывать наши недостатки... такимъ образомъ мы будемъ лучше совершенствоваться и исправлять себя.

— Это вѣрно! Для того установимъ разъ въ недѣлю покаянную исповѣдь... Пусть каждый сообщаетъ свои дурные поступки, мысли, а чего онъ не замѣтилъ за собой, мы укажемъ.

— Да вѣдь это отравитъ существованіе каждаго!—не выдержала я, подавленная такимъ ужаснымъ предложеніемъ:—община имѣетъ право и должна даже требовать отъ своихъ сочленовъ исполненія обязанностей, налагаемыхъ общежитіемъ... но до такой степени порабощать личность, что даже ступить ей нельзя безъ надзора... это ужасно!

Мое неожиданное заявленіе вызвало волненіе... всѣ что-то заговорили разомъ.

— Александра Григорьевна ошибается, — возвысилъ, наконецъ, голосъ Василій Ѳедоровичъ, и всѣ при этомъ подобострастно замолчали и самодовольно улыбались. Онъ пользовался репутаціей «непобѣдимаго».—Она не усвоила себѣ достаточно ясно цѣли нашей общины, но въ этомъ виноватъ Михаилъ Ивановичъ, очевидно, не объяснившій сути дѣла. Мы не преслѣдуемъ никакой экономической задачи и мало обращаемъ вниманія на форму. Вся суть въ содержаніи: въ нравственной духовной связи сочленовъ, въ искреннемъ желаніи очиститься отъ грѣховъ внѣшняго міра и примирить требованія личности съ требованіями общежитія... наша задача, если хотите, воспитательная — искорененіе недостатковъ личности и пробужденіе духовнаго начала.

— Но я не думаю, что для усовершенствованія человѣка нуженъ кнутъ! Предложеніе, которое сдѣлала Зоя Андреевна, связываетъ свободную волю человѣка; онъ будетъ совершенствоваться не въ силу внутренней необходимости, а внѣшнихъ, принудительныхъ причинъ!

Я торжествовала... Внезапно осѣнившая меня мысль, которую я только что высказала, дала мнѣ возможность овладѣть позиціей. Очевидно, и другихъ поразила ясность моей мысли, по крайней мѣрѣ, на минуту водворилось молчаніе, которое прервала Зоя Андреевна.

— Напрасно вы думаете, что такое правило не исходитъ изъ нашей внутренней потребности. Мы не принуждаемъ никого поступать такъ или иначе—вольному воля! Но идея нашей колоніи, которой мы всѣ посвятили наши силы и ради торжества которой мы здѣсь собрались... требуетъ, отъ желающихъ примкнуть къ намъ, глубже вникнуть въ свою душу и спросить, соотвѣтствуетъ ли его нравственный міръ нашему. Если нѣтъ, то, конечно, мы насильно навязывать не будемъ и не удерживаемъ строптивыхъ духомъ.

— «Ого, вотъ оно что!... Это значитъ—подобру-поздорову убирайтесь!» Но, на мое счастье, Василій Ѳедоровичъ выступилъ при-

мирителемъ, и споръ возгорѣлся... Михаилъ Иванычъ принялъ мою сторону, и не знаю, до какихъ бы поръ занимались мы переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, потому что, по правдѣ сказать, забрались въ такіе дебри, откуда не знали, какъ выбраться, какъ вдругъ меня осѣнила благодатная мысль... Я напрямикъ поставила интересовавшій меня вопросъ—для чего собственно они сошлись: для того ли, чтобы самимъ совершенствоваться, или же, въ силу своей культурности, оказывать вліяніе на «внѣшнюю жизнь»? Тутъ опять мнѣнія раздѣлились. Зоя Андреевна и Семенъ Петровичъ стояли за внутреннее развитіе колоніи, а Василій Ѳедоровичъ и Михаилъ Иванычъ склонялись къ болѣе широкой постановкѣ дѣла на общественную почву. Такимъ образомъ, это первое собраніе, на которое мы были приглашены, хотя не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, дало мнѣ возможность убѣдиться, что колонисты, хотя и говорятъ, что дѣло уже стоитъ на прямой дорогѣ, не имѣютъ ясного, твердаго взгляда на свою собственную дѣятельность, и что я пріобрѣла сильнаго сторонника въ лицѣ Василія Ѳедоровича и не менѣе сильнаго врага въ лицѣ Зои Андреевны, вліяніе которой на главу всего дѣла я смогла бы еще больше пошатнуть, и что она употребитъ всѣ усилія, чтобы дескредитировать меня и изгнать... Къ Лелѣ, которая не принимаетъ активнаго участія въ «умственной жизни» колонистовъ, Зоя Андреевна благоволитъ... Словомъ, говоря вульгарно, у насъ затѣвается бабья война... изъ-за первенства. И хотя мнѣ все равно, такъ какъ я рѣшила окончить свои дѣла и уѣхать, но эта битва мнѣ нравится... Посмотримъ, чья возьметъ! Михаилъ Иванычъ ходитъ грустный и разсѣянный... я понимаю, почему... Онъ меня любитъ, но еще не можетъ отказаться отъ идеи и потому страдаетъ. Еще два-три сраженія, и онъ мой! Я приняла такую тактику: при немъ я избѣгаю рѣзко нападать на колонистовъ и ихъ идею, но только нѣтъ, нѣтъ, да и вставлю замѣчаніе, выставляющее ихъ въ смѣшномъ видѣ....

Леля оживилась. Она увлекается теперь широкой идеей интеллигентной колоніи, какъ культурнаго центра, къ которому будутъ тяготѣть окружныя деревни, и находитъ, что Василій Ѳедоровичъ выдающійся человѣкъ, но что его стремленія тормозятся узкимъ взглядомъ окружающихъ. Какъ бы то ни было, а становится веселѣе.

X.

Гдѣ мы? Что здѣсь средніе вѣка или... я, право, не могу подыскать названія. Такимъ вопросомъ я встрѣтила сконфуженнаго Михаила Иваныча. Бѣдная Леля—у той даже глаза посоловѣли... Однако какіе мы умницы всѣ, что удрали... да и то сказать, силъ не было!. А все я думаю, оттого такъ глупо вышло, что Василія Ѳедоровича не было: у него есть тактъ и здравый смыслъ. Однако

приступаю къ изложенію происшедшаго. Василій Ѳедоровичъ еще вчера уѣхалъ по дѣламъ въ городъ. Вечеромъ мы, по обыкновенію, собрались на бесѣду. Зоя Андреевна читала сочиненіе Симона о Китаѣ, къ которому авторъ относится съ явнымъ пристрастіемъ. «Ахъ, что за прелесть! Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, Китай!» только и слышалось въ продолженіе чтенія, т. е. собственно такія восклицанія издавала Зоя Андреевна и ея вѣрный клевретъ, Семенъ Петровичъ, остальные по обыкновенію дремали, а насъ просто-напросто игнорировали, такъ что намъ не удалось вставить ни одного замѣчанія. Словомъ, эти два субъекта до такой степени умилились передъ китайской цивилизаціей, что самымъ добросовѣстнымъ образомъ похерили... всю европейскую. Видите ли, Китай развивалъ содержаніе, а Европа формы, а какой же глупецъ не знаетъ, что форма безъ содержанія никуда не годится! А что касается нравственности, то бѣдные европейцы недостойны развязать ремень обуви даже у самаго послѣдняго китайца. Слава Богу, что нашъ мужикъ не вкусилъ такой цивилизаціи... и въ этомъ будущее Россіи, и что бы ни говорили, а мы все-таки—благодареніе небу!—больше принадлежимъ востоку, и народъ нашъ, безъ сомнѣнія, сохранилъ китайскія добродѣтели и вытащитъ насъ на китайскую дорогу... только либералы тамъ всякіе мѣшаютъ. Ужъ какъ тамъ ни разсуждайте, а если сравнить настоящее съ прошедшимъ, то куда прежде было лучше въ Россіи... А что въ особенности повредило, такъ это шестидесятые годы. Они все разрушили—нашу религію, нашу китайскую добродѣтель, наши священные устои, внесли язву въ русскую жизнь, которую теперь изволь залѣчивать. Я пялила глаза что есть мочи, навастривала слухъ и, наконецъ, исподтишка посмотрѣла на Лелю и Михаила Иваныча; у нихъ лица натянутыя, конфузливыя, точно кто оплеуху имъ далъ, а во мнѣ что-то странное творилось... Я чувствовала такъ, какъ будто откуда-то повѣялъ удушливый вѣтеръ, и что вотъ, вотъ возьметъ да погрузитъ меня въ китайщину... Мнѣ даже стало страшно, до такой степени страшно, что я попробовала выпрямиться и дохнуть... точно я задыхалась... Мнѣ захотѣлось на свѣжій воздухъ, я толкнула Лелю въ бокъ—и убѣжала къ себѣ въ комнату, гдѣ стала кружиться, махать руками и произносить заклинанія, чтобы отогнать навожденіе злого духа. Черезъ пять минутъ пришла и Леля, но, Боже, съ какимъ лицомъ, точно ее мучилъ кошмаръ... Я невольно расхохоталась.

— Тебѣ все смѣшно, а мнѣ такъ ужасно тяжело! И это говорятъ яко бы передовые люди... Чтожъ это такое?

— Это, другъ мой,—сказала я,—пузыри, и больше ничего! Видишь ли, настало такое время, когда на поверхности взбаламученнаго моря жизни...

Но не успѣла я подобрать вторую часть своего періода, какъ появился Михаилъ Ивановичъ, котораго я встрѣтила вышеприведеннымъ вопросомъ. Бѣдняга—его можно было бы пожалѣть: онъ совсѣмъ выглядитъ несчастнымъ!

— Ну, нечего киснуть!—сказала я по возможности ласковѣе:— оставимъ ихъ разсуждать о совершенствѣ китайской цивилизаціи и займемся чаемъ... Надѣюсь, что у васъ нѣтъ охоты идти туда?

Когда чай былъ готовъ (мы его сварили въ печкѣ, въ чайникѣ, стащенномъ мною изъ кухни), я приступила къ просвѣщенію Михаила Ивановича, благо случай такой удобный подвернулся.

— Ну-съ, милѣйшій Михаилъ Ивановичъ, будете ли вы увѣрять простодушныхъ барышень, что здѣсь отлично, и сманивать ѣхать въ колонію?.. Скажите, пожалуйста, гдѣ были ваши глаза, что вы не замѣчали такихъ... вопіющихъ прорѣхъ? Если уже, голубчикъ, толковать по совѣсти, то вѣдь принципъ нравственнаго самоусовершенствованія привелъ здѣсь къ противному результату; по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ-то нравственныхъ качествъ: правдивости, искренности и проч., здѣсь нѣтъ, а имѣются о нихъ весьма смутныя представленія... Знаете ли, дружокъ, что за нами подглядываютъ?

— Я не знаю, что такое здѣсь дѣлается... до сихъ поръ ничего этого не было!..—съ кислой усмѣшкой произнесъ онъ.

— А знаете—почему? Потому что вы тутъ пѣли диѳирамбы другъ другу да самоуслаждались, закрывъ глаза на Божій міръ. А вотъ, какъ этотъ міръ, въ лицѣ насъ, ворвался къ вамъ да сталъ допытываться, зачѣмъ, почему, какъ и проч., они-то и всполошились... Плѣсень, голубчикъ, затянула васъ здѣсь, да и закрыла видъ на солнце. Не хотятъ считаться съ личностью и ея требованіями, а это ужъ въ другой формѣ крѣпостное право!

— Жаль, что сегодня не было Василія Ѳедоровича, — вставила Леля:—я увѣрена, что у него не такіе ретроградные взгляды. Кстати, знаете, что мнѣ преподнесла сегодня Зоя Андреевна? Сочиненіе Радда-бай, какъ величайшую мудрость... для назидательнаго чтенія... Право! Неужели они вѣрятъ въ эту индійскую чушь?.. Вотъ не ожидала, что у насъ есть такіе странные люди! Михаилъ Иванычъ, вы тоже вѣрите въ оборотней?

— Вы очень злы, Леля...

— Если нѣтъ, то я очень рада, — разсмѣялась она, — а то я, право, боялась, не отстала ли я... А Василій Ѳедоровичъ вѣритъ?..

— Право, не знаю... хотя онъ увлекается теософіей, но мы объ этомъ мало говоримъ... такъ же, какъ и о шестидесятыхъ годахъ,— улыбнулся онъ: — такія разсужденія, повѣрите ли мнѣ, я первый разъ слышу.

— Въ самомъ дѣлѣ?—радостно вскрикнула я,—значитъ, моя заслуга, что они показали во всемъ блескѣ свой умственный багажъ!

Михаилъ Иванычъ, не находите ли, что я немножко запугала ихъ своею правдивостью?

— Вы, Шура, бываете иногда не въ мѣру рѣзки!

— Рѣзка? такъ что же, по-вашему, мнѣ тоже извиваться да лгать? Рѣзка! Рѣзка потому, что рѣжу правду-матку. Что они думаютъ, мы слѣпы, не видимъ всего этого маскарада! Вотъ хотя бы Семенъ Петровичъ... увивается передъ ней, ловитъ на лету ея мысли, унижается... Ты права, Зоюшка... учи насъ, направляй, вразумляй... а самъ исподтишка тянетъ... горѣлку. Я не противъ того, что онъ выпьетъ нѣсколько рюмокъ въ день для подкрѣпленія, а противъ ихъ скрытности... Отчего прямо, открыто этого не дѣлать? Думаете, я ничего не знаю? Не знаю, какъ они, вырвавшись въ городъ, совершенствуются по части ѣды и питья... Срамъ одинъ! А все отчего?.. Ложь въ принципѣ — нельзя убивать потребности въ человѣкѣ... На моихъ глазахъ, Васька, вашъ питомецъ, стащилъ крынку молока, это что такое?.. къ чему эта вся фальшь, ложь — я васъ спрашиваю? Или хоть бы инцидентъ съ несчастнымъ Вадимомъ, когда онъ, воображая, что пользуется одинаковыми правами со всѣми, вздумалъ полакомиться сыромъ, предназначеннымъ его святѣйшеству? Какъ смѣлъ Василій Ѳедоровичъ кричать на него, какъ на мальчишку, укорять въ чревоугодіи въ то время, какъ... Нѣтъ, это меня до такой степени бѣситъ, что я... Право, Михаилъ Иванычъ, какъ могли вы здѣсь жить при такихъ условіяхъ?

— Шура, нѣтъ святыхъ людей! Василій Ѳедоровичъ не виноватъ въ недостаткахъ воспитанія... къ чести его нужно сказать, что онъ чистосердечно кается въ своихъ вспышкахъ... и, какъ я вамъ говорилъ, извинился передъ Кривцовымъ за свою грубость!

— Отъ этого всѣмъ не легче! Развѣ вы сами не видите, что на практикѣ здѣсь самое отчаянное неравенство?.. А сегодняшній вечеръ?.. Почему они не дали мнѣ слова выговорить... по поводу китайскихъ упоеній? Простыхъ приличій не соблюдаютъ, мнѣній противника боятся, какъ огня... Меня такое зло разбираетъ, что наперекоръ всѣмъ и даже себѣ остаюсь позлить ихъ.

— Фи, Шура, это даже не благородно съ твоей стороны... Вспомни поговорку — въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходить... Не по насъ это дѣло, и ретируемся, а то затѣвать дрязги, ссоры...

— И не къ чему, — подхватилъ Михаилъ Иванычъ, — ихъ убѣжденій вы не измѣните, а только себя унизите въ ихъ мнѣніи.

— Объ этомъ я меньше всего забочусь... а ужъ позлю... позлю!

Конечно, урезонить меня не могли. Я стояла на своемъ, такъ мы и разошлись, недовольные и огорченные другъ другомъ... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Михаилъ Иванычъ былъ активнѣе...

Вечеромъ написала мамѣ письмо, чтобы выслала денегъ...

XI.

Василій Өедоровичъ вернулся и привезъ съ собой еще одного интеллигента, чающаго движенія воды. Онъ мнѣ понравился — живой, смѣтливый, съ умными глазами... Леля ожила... они, кажется, уже успѣли обмѣняться взглядами, а это важно! Я ужасно рада, что дѣло принимаетъ такой оборотъ, по крайней мѣрѣ, она не будетъ приставать ко мнѣ съ отъѣздомъ.

Зоя Андреевна, очевидно, рѣшила изгнать насъ во что бы то ни стало. Насъ не впрягаютъ въ ярмо обязательнаго труда и пока терпятъ. Сегодня день гулящій, и мы съ Лелей составили заговоръ утащить нашихъ кавалеровъ гулять... Николая Григорьевича тщательно стерегутъ отъ нашего зловреднаго вліянія и лишь только завидятъ, что я говорю съ нимъ, подъ разными предлогами разлучаютъ... Развѣ это не смѣшно? Послѣ обѣда я таки умудрилась словить его и шепнуть, чтобы собирался съ нами — онъ съ радостью согласился, и мы всѣ четверо чудесно провели время. Николай Григорьевичъ уменъ, остеръ, но себѣ на умѣ... Насъ-то онъ слушалъ, да усъ моталъ, такъ что я не знаю, какъ онъ относится къ колонистамъ и ихъ затѣѣ. Впрочемъ, когда я ужъ очень разошлась по поводу идеи самоусовершенствованія, онъ замѣтилъ, что я отношусь пристрастно.

— Чтожъ, провѣрьте сами,—отвѣтила я и затянула малороссійскую пѣсню. Больше мы не возвращались къ набившему оскомину пережевыванію вопросовъ реальной жизни и перестали оттачивать зубы на нашихъ ближнихъ. Когда мы появились къ чаю, то, насъ встрѣтили подозрительными взглядами и многозначительнымъ молчаньемъ... Впрочемъ, передъ Николаемъ Григорьевичемъ заискиваютъ... Василій Өедоровичъ сталъ холоднѣе и сдержаннѣе съ нами... а, догадываюсь! Зоя Андреевна, вѣроятно, постаралась выставить насъ подъ своимъ освѣщеніемъ. Недавно она недовольнымъ тономъ сказала Михаилу Ивановичу: не понимаю, зачѣмъ эти барышни пріѣхали сюда! Ахъ, бѣдняжка, какъ онъ не провалился на мѣстѣ!

Онъ порядочно запутался въ своихъ собственныхъ чувствахъ, сталъ угрюмъ, мраченъ и даже избѣгаетъ меня... Вѣроятно, потому, что я все допытываюсь, уѣдетъ ли онъ. Не знаю! и при этомъ такъ грустно смотритъ на меня, что даже мое сердце сжимается... Ну, и хороша же я!.. Я таки его порядочно мучу: то подамъ надежду, то оболью холодомъ... А зачѣмъ же онъ такой раскисляй!

— Шура, вы играете со мной, какъ кошка съ мышью,—грустно сказалъ онъ мнѣ сегодня.

— А развѣ вамъ непріятно побывать въ лапкахъ такой кошечки?

— Больно, Шура! Вы безпощадно вонзаете ваши коготки.

— Погодите... можетъ быть, и я сумѣю погладить!—отвѣчала я со смѣхомъ, убѣгая отъ него.

Сегодня вечеромъ опять было общее собраніе, причемъ намъ, новичкамъ, съ соотвѣтственною торжественностью былъ преподнесенъ уставъ колоніи, одинъ изъ параграфовъ котораго гласилъ, что испытуемые обязуются не мѣшать ходу засѣданій своими замѣчаніями, т. е. попросту сказать, сидѣть, какъ муміи, и благоговѣйно молчать. Николай Григорьевичъ настаивалъ, что это постановленіе принесетъ вредъ дѣлу, и что высказывать свои мысли можетъ каждый, не пользуясь, однако, правомъ голоса.. Кажется, для него сдѣлали исключеніе. Я мало слушала, о чемъ говорили, углубленная въ чтеніе удивительнаго образца человѣческой мудрости, который начинается такъ: «Мы преслѣдуемъ цѣль нравственнаго самоусовершенствованія и пр.», и оканчивается тоже такимъ увѣреніемъ, какъ будто можно сомнѣваться въ этомъ.

Мнѣ ужасно жаль, что я не могла взять его съ собой, чтобы выписать кое-какіе шедевры! Этому, кажется помѣшали опасенія, а что если, молъ, строптивая барышня возьметъ да опишетъ ихъ... А я еще нарочно стараюсь писать свои записки на виду и, конечно, для того, чтобы позлить.

Вернемся къ уставу, одно изъ положеній котораго я старалась заучить слово въ слово, да память у меня плоха. Еще въ гимназіи я никогда не отвѣчала урокъ по учебнику, а всегда по-своему, и за это иногда получала двойки. Но pardon... итакъ параграфъ 3-й гласитъ: «каждый членъ общины обязуется вести строгую нравственную жизнь и стремиться къ тому, чтобы всѣ собратья его стояли на извѣстной нравственной высотѣ». Параграфъ 4-й: «каждый членъ общины обязуется разъ въ недѣлю открывать свои тайныя мысли и чувства передъ общимъ собраніемъ и искать таковыя, особенно вредныя, у другихъ». Нѣтъ, право, не могу больше. Мнѣ кажется, что вокругъ моего «я» проводятъ цѣпи; мою особу впрягаютъ въ оглобли и говорятъ—вези, а куда? ты, Господи, вѣси! ну ихъ, сбѣгу! Какъ быть, однако съ Лелей? Она что-то очень пріободрилась. Не думаю, чтобы она въ самомъ дѣлѣ захотѣла влюбиться въ человѣка, который сознательно и серьезно желаетъ землю пахать... у нея другія требованія.

XII.

Событія быстро подвигаются къ своему концу. Вчера былъ чудный весенній день, небо и земля, какъ влюбленныя, улыбались другъ другу... Улыбалась и я, преусердно стирая бѣлье подъ зеленымъ каштаномъ и во весь голосъ распѣвая романсы... Я состя-

залась съ небесными пѣвцами и хотѣла своимъ голосомъ покрыть многошумную мелодію жизни, и до такой степени углубилась въ свое идейное занятіе, что не слышала, какъ появился Михаилъ Иванычъ.

— Работаете, Шура?—улыбнулся онъ, любуясь мною...

— Да еще какъ!—я развернула передъ нимъ поразительной бѣлизны полотенце, которое такъ и сверкнуло на солнцѣ.

— А что, правда, весело работать?

— Да, недурно этакъ часа два поупражнять свои мускулы... а цѣлый день—слуга покорная!—При этомъ я сдѣлала передъ нимъ весьма приличный реверансъ, развела руками, обнаженными по самый локоть, какъ на балу, и продолжала уже другимъ тономъ:—въ настоящее время, вмѣсто всего этого, мнѣ смерть хочется пойти гулять. Взгляните, какая роскошь вокругъ, какой праздникъ весны! Хотите, убѣжимъ туда, въ лѣсъ, къ морю!

— Нельзя, Шура,—съ легкимъ вздохомъ, но съ искрящимися отъ удовольствія глазами отвѣтилъ онъ.

Но для меня не существуетъ «нельзя», конечно, въ предѣлахъ возможнаго, и ужъ разъ какая мысль взбредетъ въ голову, да еще встрѣтитъ препятствія, я непремѣнно поставлю на своемъ. Такъ и теперь. Что можетъ быть сумасброднѣе, особенно для Михаила Иваныча, какъ самовольно уйти въ рабочій день? Это даже не мыслимо, по крайней мѣрѣ, такой отвѣтъ я прочла въ его улыбкѣ и еще больше взвинтилась, потому что въ это время онъ былъ очень хорошъ!.. Я забыла сказать, что онъ красивъ, но особою мягкою женственною красотою, а въ этотъ разъ его лицо, съ котораго сошли угрюмыя тѣни, дышало такимъ неподдѣльнымъ восхищеніемъ и любовью, что я ощутила въ своемъ сердцѣ явственный трепетъ любви... И отъ этого мнѣ стало удивительно весело, а мой бѣсенокъ подталкивалъ меня на смѣлый шагъ... Я приблизилась къ Михаилу Иванычу, взяла его руку и стала умолять не лишать меня такого удовольствія... Онъ растерялся...

— Нельзя, Шура; у насъ есть обязанности.

— Бросьте ихъ, бросьте все, Михаилъ Иванычъ, молодость бываетъ разъ въ жизни, и другой такой весны не будетъ. Зачѣмъ вы ломаете, коверкаете себя? Я вижу, что и вамъ не меньше моего хочется... другого. Неужели теперь,—я это слово подчеркнула,—вы вернетесь къ противному плугу, теперь, когда я прошу васъ... Полно, полно, не фальшивьте... Я этого терпѣть не могу!

Я говорила убѣдительно, т. е., не слова мои были убѣдительны, а тонъ, движенія, лицо, наконецъ, огонь, который я чувствовала въ душѣ...

— Скажите, что вамъ теперь пріятнѣе идти туда къ нимъ, или со мной? Да отвѣчайте, увалень вы этакій!

— Конечно, Шура, съ вами пріятнѣе, но...

— Безъ всякаго «но»... И слышать ничего не хочу. Если теперь

не пойдете, сами пожалѣете... Ну же, ну!—для большей убѣдительности я тащила его за собой:—будьте мужчиной, человѣкомъ... Бросьте всякія путы, все это ложь, ложь! Уходите отъ нихъ, пока не потухла искра въ вашей душѣ.

И много ему я еще говорила, а онъ, слушая меня, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

— Что вы дѣлаете со мной!—взмолился, наконецъ, онъ, когда мы очутились на берегу моря, и я, чтобы привести его въ чувство, должна была вспрыснуть его водой... Въ тонѣ его голоса было что-то такое серьезное, почти скорбное, что я перестала смѣяться, и мнѣ стало жаль, что я такъ мучила его.

— Михаилъ Ивановичъ,—сказала я слегка дрогнувшимъ голосомъ,—я уѣзжаю... поѣдемте со мною вмѣстѣ! Это дѣло совсѣмъ не по васъ.

Мимолетный свѣтлый взглядъ и снова туча на лицѣ... Боже, какъ онъ простъ и недогадливъ!

— Вы все шутите, Шура, а мнѣ больно... Зачѣмъ вы играете со мной, чего хотите отъ меня?

— Зачѣмъ, несносный вы человѣкъ? Неужели вы не понимаете, зачѣмъ... я сюда пріѣхала? Чего вы боитесь, почему молчите? Или вы не вѣрите, что я дамъ вамъ счастье?

Ахъ, мнѣ показалось, что лучи солнца собрались, какъ въ фокусѣ, въ его глазахъ. Боже! неужели это я такъ освѣтила это чудное лицо, заигравшее энергіей и силой?

— Дорогая!—прошепталъ онъ, заключая меня въ свои объятія...

Нѣтъ, мой Миша совсѣмъ не такой раскисляй, какъ я думала... Да здравствуетъ любовь, продѣлывающая такія чудеса на свѣтѣ!

XIII.

Вотъ такъ сюрпризъ! Если бы сейчасъ, сію минуту раздался подземный ударъ и потрясъ шаткія стѣны этого зданія, я бы меньше удивилась, чѣмъ... Окончивъ свое признаніе Лелѣ обо всемъ происшедшемъ на берегу моря и сдѣлавъ соотвѣтственный прыжокъ на постель и обратно прямо на шею Лелѣ, которую и заключила въ свои объятія съ «дикимъ воплемъ», какъ сказала бы мама, я, наконецъ, произнесла: — Итакъ, ѣдемъ! Сдѣлаемъ славное путешествіе втроемъ по Кавказу и махнемъ домой приготовляться къ свадьбѣ...

— Я не ѣду!

— Что? Что ты сказала?

Я внимательно посмотрѣла ей въ глаза, пощупала пульсъ, а она, представьте, расхохоталась.

— Да что съ тобою, Шура?

— Помилуй, что же это такое? Послѣ всего и оставаться! Нѣтъ, тутъ дѣло не ладное... Или ты пошутила?.. Скажи, пошутила?

— Нѣтъ, я вполнѣ серьезно говорю. Видишь, Шура, ты... какъ бы тебѣ сказать?.. фрондировала. Ты несерьезно ѣхала сюда (это я-то несерьезно?), держала себя здѣсь... ну, право-жъ, возмутительно, и понятно, если вооружила всѣхъ... Дѣло не въ томъ, не въ людяхъ, не въ мелочахъ, а въ идеѣ, которая сама по себѣ заслуживаетъ глубокаго уваженія—я говорю объ идеѣ земледѣльческаго труда, о созданіи новаго, культурнаго класса земледѣльцевъ. Здѣшніе—поставили дѣло не на настоящую почву... если внести реформу въ ихъ уставъ... что ли... то можно жить.

— Та, та, та! вижу, какимъ духомъ вѣетъ! Признайся, что твоими устами говоритъ нѣкто другой. Угадала?

Она смутилась, покраснѣла, но стала увѣрять, что сама по себѣ всегда симпатизировала этой идеѣ, что если она молчала, колебалась, даже страдала, то просто потому, что ей трудно было оріентироваться въ путаницѣ, которую внесла я своею стремительностью. Но меня не проведешь... Ужъ если Леля такъ упорно начинаетъ ратовать за идею, то... ищите мужчину; искать-то долго его не приходилось: слишкомъ ясно былъ въ ея словахъ практическій умъ Николая Григорьевича.

— Надѣюсь, Леля,—торжественно начала я, принимая соотвѣтственную осанку,—что ты не заразилась фальшью окружающаго насъ міра и не станешь увѣрять меня, что остаешься не потому, главнымъ образомъ, что твое сердечко трепещетъ болѣе обыкновеннаго при видѣ «самаго умнаго», самаго лучшаго мужчины, и что не онъ внушилъ тебѣ измѣну... моему дѣлу.

— Можетъ быть, и такъ,—отвѣтила она, смѣясь,—а такъ какъ твое дѣло окончилось въ желательномъ для тебя смыслѣ, то...

— То,—подхватила я:—желаю и тебѣ того же! Я великодушна, Леля, и, несмотря на твое коварство, готова отъ души расцѣловать тебя.

— Во всякомъ случаѣ, Николай Григорьевичъ не мямля и, несмотря на свое короткое пребываніе здѣсь, успѣлъ оказать вліяніе на дѣла колоніи.

Тутъ я вскочила на стулъ, который придвинула на средину комнаты, пооратерски подняла руку къ верху, приняла живописную позу и пророчески продолжала: предсказываю, что настанетъ новая эра въ существованіи общины, и что болѣе разумная и практическая задача возстанетъ на обломкахъ разрушающагося... самоусовершенствованія! Да здравствуетъ здравый смыслъ, и да восторжествуетъ разумъ!..

— Браво!—раздался за моей спиной голосъ Михаила Иваныча:—о чемъ это Шура проповѣдуетъ?

— О будущемъ колоніи, которую мы съ вами, другъ, оставляемъ

на зарѣ новой жизни, ибо здѣсь остается свѣтлый геній въ лицѣ нашей Лели, которая... а вотъ кстати и виновникъ...

— Шура! — взмолилась Леля, бросая на меня укоризненный взглядъ.

— Такъ чему я виновникъ?—улыбаясь спросилъ Николай Григорьевичъ, опускаясь на стулъ, съ котораго я спрыгнула.

— А тому, что, по вашей милости, мы такой чудный вечеръ провели въ комнатѣ... Почему не пришли во время?

— Да задержали въ кладовой... Такіе бозпорядки да упущенія во всемъ, что досадно даже... Вотъ что значитъ не имѣть хозяйскаго глаза.

— Да зато совершенство на лицо! — не выдержала я. Всѣ улыбнулись.

— Васъ, какъ слышно, хотятъ назначить распорядителемъ работъ?—спросилъ Михаилъ Иванычъ.

Онъ теперь сталъ совсѣмъ другимъ, какъ побывалъ со мной на берегу моря. Спокоенъ, ровенъ и веселъ. Его выступленіе изъ колоніи встрѣчено съ сожалѣніемъ, а Николай Григорьевичъ положительно уговариваетъ его остаться, увѣряя, что они внесутъ другой духъ.

— А что-жъ вы меня не просите?—лукаво просила я.

— Васъ? Вы не годитесь для этой жизни. Вамъ бы порхать съ цвѣточка на цвѣточекъ, а здѣсь дѣло солидное, тяжелое!

— А она развѣ годится?—я указала глазами на Лелю, вспыхнувшую, какъ маковъ цвѣтъ.

— Елена Петровна съ большей выдержкой.

Однако, какъ счастье мѣняетъ людей! Теперь я на все смотрю другими глазами, и всѣ мнѣ кажутся симпатичнѣе, добрѣе, даже Зоя Андреевна измѣнилась въ моихъ глазахъ... Какъ никакъ, а она все-таки заслуживаетъ уваженія по своей искренней преданности идеѣ. Нужды нѣтъ, что они ошибаются и заблуждаются—развѣ есть люди, которые бы не дѣлали ошибокъ въ жизни? Иногда мнѣ даже становится жаль ее за то, что ея волосы сѣдѣютъ, лицо въ морщинахъ, жаль за то, что у нея нѣтъ блеска молодости, жаль до такой степени, что мнѣ хочется встать, подойти къ ней и извиниться за все, что я сдѣлала. Но это, конечно, глупая сентиментальность, и больше ничего, потому что въ самомъ дѣлѣ... я никого не оскорбляла и зла не желала. Дай Бой, чтобы ихъ дѣло развивалось, расширялось и принесло имъ душевный покой. Что же касается меня, то въ другой разъ... я не захочу ѣхать въ колонію... Довольно съ меня и одного!..

Марія Ермолина.